

18+

Л ю т е р

П О С Т А Л К О Г О Л Ь Н Ы Е
С Т Р А Х И

Лори Лютер

Посталкогольные страхи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570648

ISBN 9785449350893

Аннотация

Говорят, выбор есть всегда, но каким он становится, когда кажется, что бутылка спасительного напитка ближе, чем кто-либо или что-либо ещё? «Посталкогольные страхи» – это одна история в четырёх частях. История людей, застрявших в клетках своих желаний. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	12
3	24
4	31
5	37
6	45
7	49
8	53
9	59
10	68
11	74
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Посталкогольные страхи

Лори Лютер

*Виски убило больше мужчин, чем пули;
но мужчины, в своем большинстве, скорее
согласятся погибнуть от виски, чем от пули.
(Автор неизвестен)*

Посвящается друзьям. И тем, кто ими был.

© Лори Лютер, 2020

ISBN 978-5-4493-5089-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Джонни, Джек и Джим

1

К шестому часу было уже не весело. «Держись, твою мать, Алекс, держись», – говорил он себе, а у самого такое чувство, что вот-вот кровь хлынет носом и зальёт, к чертям, всё вокруг. От софитов шёл невыносимый жар. Чёрная футболка с ярким кислотно-зелёным изображением магнитофона прилипла к телу. Он склонился над пультом, мокрые тёмные волосы падали на глаза. Казалось, что даже ресницы расплавятся. Он распрямился, убрал волосы с лица и попытался посмотреть вперёд, но рядом запыхтела дым-машина, и всё погрузилось в разноцветный туман. В горле пересохло, а глаза слезились – их сильно щипало, то ли от обезвоживания, то ли от недосыпа, то ли от дыма. Ему стало интересно – сможет ли он осуществить сегодня то, что доступно практически всем остальным, а вот для него всегда составляет проблему. Он так устал, что едва мог держаться на ногах, вдобавок ко всему, его уже начинало мутить, но выбора не было – сет должен был длиться до самого утра. Таков был уговор. Ещё последний час. И всё – домой, спать, наконец-то –

хоть и совсем недолго. Впрочем, как обычно. Говорят, что человеку необходимо спать восемь часов в сутки. Ха. Алекс устало улыбнулся, думая, что ещё немного – и он научится дрыхнуть на ходу с открытыми глазами, а может, даже и варить во сне кофе. Вот было бы удобно. Но крепкий продолжительный сон – он уже много лет не мог позволить себе такую роскошь. Всё бы сейчас отдал даже за шесть часов симбиоза с подушкой. Если бы он лёг на кровать и она стала засасывать его внутрь, как в каком-нибудь ужастике или известном клипе группы the Cure, то он бы не испугался, а, скорее, счёл бы это спасением.

Дым-машина перестала извергаться, и Алекс снова попытался посмотреть в зал. Для пяти с лишним часов утра вполне недурно: некоторые ещё дёргались на танцполе, хотя он знал, что в это время суток их заводит не его музыка, а огромное количество употреблённого за ночь. Впрочем, его это не особенно волновало. Он всегда, даже сейчас, несмотря на чудовищную усталость, получал какое-то необъяснимое, совершенно маниакальное удовольствие, когда видел, как ведут себя на танцполе люди. В этом было столько всего, что он не мог это ни понять, ни объяснить, но постоянно хотел видеть. Этот род медитации и ухода от реальности – танец, такой разный для каждого – в этом был смысл, который так хотелось постичь. А если не постичь, то просто наблюдать и дарить им музыку. Чтобы они танцевали дальше. Медленно или быстро – неважно. Самое инте-

ресное – это видеть глаза танцующего человека – настоящий космос, источник флогистона. Если кто-то двигался близко к сцене, то вполне можно было этот космос разглядеть и очутиться в нём.

Алекс посмотрел на пустой стакан возле микшерного пульта. Потом на танцпол. Танцуют, да – прекрасно. Но и есть во всём этом моменты, которые Алексу не нравились. Уже не нравились. А вернее – не моменты, а определённая категория людей, в глазах которых не было никакого космоса. Алекс, будучи диджеем уже десять лет, истоптав десятки клубных сцен, стал уже хоть и с каким-то снисхождением, но всё же с непониманием смотреть на людей, которые готовы потратить все свои деньги и вылизать все жопы мира, чтобы отметить какой-нибудь праздник в клубе. «День рождения удался!» – говорят они, выпив три бутылки дешевого пойла с известным названием, которое, зачастую, даже не могут правильно произнести, потанцевав под заезженные треки и облапав своими ручонками своих друзей и подруг, вырядившихся в свои «выходные» наряды. Он же – диджей или просто музыкант любого рода – для них представлял собой один из двух видов людей: он либо их холоп, лакей, создающий им приятную атмосферу, либо бог на сцене, звезда, с которой они непременно захотят сфотографироваться и, что гораздо хуже, затащить к себе на моветонную вечеринку. Ни то ни другое к нему настоящему, как прекрасно понимал Алекс, не имеет ни малейшего отношения. Так или иначе,

он осознавал, что их праздники – это его будни, но не мог понять, хорошо это или плохо, особенно в такие ночи, как сегодня – когда мысли путаются от физической усталости, а он, как профессионал, не имеет права показывать, что валится с ног и с огромным усилием держит глаза открытыми. Вставишь спички, как распорки для век – мигом переломятся. Так что он продолжал сводить треки, буквально немея от усталости, наблюдая, как танцуют остальные – не те, кто приходит в клубы кого-то подцепить и, выверяя каждое своё телодвижение, смотрит по сторонам, оценивая обстановку. Он вновь поглядывал на тех, кто танцует, позабыв обо всём. Алексу каждый раз казалось, что, направляя треками энергию людей, он делает что-то очень необходимое. Когда он видел, как самозабвенно пляшут девчонки и парни, и как им хорошо после этого, это каждый раз было похоже на... счастье что-ли?

Алекс продолжал сводить треки, а сам, отвлекаясь от танцпола, мысленно прикидывал, сколько времени уйдёт на то, чтобы после сета быстро собраться, приехать домой и поспать. Как ни крути – на сон никак не выходило больше двух часов.

Ну хоть что-то.

Отыграв так, не выходя из своих всё больше путающихся мыслей, он машинально быстро собрал оборудование и вышел к организатору в зал. Народ, в основном, медленно стал расползаться по домам, волоча ноги. Кто-то всё ещё не мог

успокоиться и атаковал замученных барменов новыми заказами, а те смотрели на них, как на муравьёв. Алекс увидел организатора концерта, Тома. Тот, пытаясь втянуть железное пузо, стоял с дамой и что-то ей увлечённо рассказывал.

– Как договаривались? – спросил Алекс, отвлекая его от разговора с изрядно подвыпившей подругой с ярко и при этом криво покрашенными губами.

Том нехотя отвернулся от нее, залез к себе в карман и, пошатываясь, достал несколько сотен рублей. Потом покосился на свою спутницу и добавил ещё несколько сотен – неслышанная щедрость. Он протянул их Алексу, и тот, оценив масштабы гонорара, положил деньги в карман.

– Вообще, августейший, мы о другой сумме договаривались, – напомнил Алекс.

Том похлопал его по плечу и изобразил кислую улыбочку.

– Давай там, потом как-нибудь. В следующий раз. Сейчас нет ничего. Ты же понимаешь, одни расходы. – Он развёл руками.

– То, где ты вечно прячешь мои гонорары – это тайна, покрытая сторублёвыми купюрами, – сказал Алекс, но, сказав, сразу понял, что от увлечённого барышней Тома он больше ничего не добьётся, и решил попрощаться, чтобы не задерживаться впустую. – Пока, Том.

Том, повернувшись к своей подружке, невнятно махнул рукой, и Алекс, схватив всё своё оборудование, ушёл из клуба. Вернее, почти ушёл. На лестнице он сильно пошатнулся

и чуть было не упал, так как ощутил внезапный вес на свое шее: пьяная девушка обхватила его руками сзади так, что он даже не сразу понял, что происходит. Он очень сильно устал, и её вес показался ему крайне внушительным.

– Эй, стоять! – проорала она ему в ухо. – Куда это мы уходим?

Это была его знакомая, которая, как догадывался Алекс, испытывала к нему некоторый интерес. Её имя он позабыл.

– Куда уходит детство, туда уходишь ты, а я ухожу домой. – Он постарался по возможности аккуратно расцепить её удушливые объятия.

Она, похоже, и не думала обижаться, а только сильнее повисла на нём. Алексу вдруг стало физически неприятно, перед глазами запрыгали чёрные точки. Голова закружилась, в животе заурчало. Девушка спрыгнула с его спины, и он выдохнул. Но тут она подскочила спереди и практически ткнула Алекса своим маленьким носом-кнопкой в грудь, нарушив его зону комфорта.

– Пошли с нами потусим! – Она указала на толпу своих восемнадцати-девятнадцатилетних подружек в стороне.

– Олеся, ты скоро? – выкрикнула одна из них.

Точно, подумал Алекс, её зовут Олеся. И он поругал себя за невнимательность – ведь эта девчонка постоянно приходила танцевать, вечно приводила с собой подруг и друзей. Дорогого стоит. Особенно сейчас – когда все предпочитают смотреть трансляции в интернете вместо того, чтобы ходить

на концерты. Тяжёлые времена для музыкантов любого рода.

Она отмахнулась от подруги, поправила волосы бирюзового цвета и вопросительно посмотрела на Алекса. Он взглянул на часы.

– Я уже старая шкварка. Мне скоро на работу, хорошо отдохните за меня, – сказал он на ходу, увернувшись от неё и ворвавшись в прохладное светлое утро Санкт-Петербурга. Она что-то прокричала ему вслед, но он не разобрал.

Ему нужно, просто необходимо было поспать, ведь после работы с восьми до пяти ночью снова предстояло крутить музыку в клубе. «Наслаждайтесь жизнью, ребята», – думал Алекс с чувством удовлетворения от прошедшей вечеринки и без капли злобы. – «Только танцуйте!»

2

– Алекс, подъем! – приблизившись вплотную, проорал ему босс, и он так ошалел от его голоса, что подпрыгнул. Ему показалось, что руководительская слюна Виктора залетела ему в левое ухо.

– Виноват! – сказал Алекс, выпрямившись на стуле и потерев рукавом свою слюну, предательски покинувшую пределы рта во время его несанкционированного сна. Когда начальника не было, его компьютер завис, и пока Алекс его перезагружал – завис и сам, да так и задремал в рабочем кресле. В офисе было тепло, пахло утренними булочками и кофе коллег, вот его и размазало. Тем более, выспаться ему, как обычно, не удалось.

Виктор укоризненно покачал головой, но промолчал и вышел из кабинета, и Алекс, проморгавшись, начал работать. Его работа когда-то нравилась ему. Когда он учился на инженера-проектировщика, ему казалось, что он будет человеком, который занимается чем-то полезным, важным, а может быть, даже секретным. К тому же, эта специальность была по нраву родителям, которые всегда желали видеть своего старшего сына самостоятельным и уверенно стоящим на ногах – а он больше всего желал, чтобы они им гордились. И жизнь распорядилась так, что он занимался системами вентиляции и кондиционирования, но по большей части

это была та еще скука. Он работал здесь по той же причине, по которой работает и большинство людей – ему тут платили. И, откровенно говоря, вполне неплохо, так что большинство из того большинства могло бы ему позавидовать. Работёнка довольно нудная, ничего не скажешь, да и требует концентрации. Но Алекс не понимал, какая, к чёрту, может быть концентрация, когда он всю ночь диджеил в клубе и совсем не спал? В такие моменты, а они происходили минимум раз в неделю, а то и два или три, он ненавидел всё вокруг, включая работу и самого себя.

– Может, кофе? – спросил его Дэн, коллега, работающий с ним в одном кабинете. Его стол находился напротив, и Алекс то и дело ловил на себе его опасливые взгляды – Дэн все время старался, чтобы Алекс не заметил, как он читает свои журналы по садоводству под столом. При этом все его попытки скрыть журнал вызывали у Алекса умиление – часть стола, обращённая к Алексу, имела своеобразный дизайн – полоска шириной сантиметров в десять была дырявая, как решето, так что через неё вполне можно было видеть коленки Дэна. «Святые сардельки», – про себя смеялся Алекс, – «как будто мне есть до этого дело».

– Я уже выпил три чашки, и они не справились с задачей, боюсь, четвёртая будет лишней и просто погонит наверх все предыдущие, – ответил Алекс, показывая пальцем на горло.

Дэн поджал тонкие губы, понимающе кивнул и, стараясь не шуршать, закрыл свой садоводческий журнал.

– Веселые выходные? – спросил он с очевидной завистью. Алекс с тоской посмотрел на Дэна – нескладный, но хороший тихий парень с вечно большими светло-серыми как будто удивлёнными глазами. Сразу видно – если и не отличником был в школе, то уж зубрилой точно. Алексу как-то пришлось в голову, что коллеге-садоводу трудно будет добиться повышения, если он не сможет хотя бы иногда придавать себе вид посерьёзнее. В своё время он устраивался на место Алекса, более хлебное, но не смог ни произвести впечатление на начальство, ни быстро справляться с большим объёмом работы. А потом взяли Алекса и, немного понаблюдав за ними, как за жуками в банке, сделали Дэна помощником Алекса, чему Дэн не особенно обрадовался. Ему 26, у него жена и двое детей. Он совершенно помешан на своих грядках, он каждый день после работы идёт домой, а каждые выходные проводит с семьёй на даче. Всё бы ничего, каждому своё увлечение, но когда он спрашивал Алекса про его выходные – а он спрашивал каждый раз в течение многих месяцев, – Алекс чувствовал себя немного неловко, рассказывая ему о клубах, тусовках и всём таком прочем. Дэн внимательно слушал, задавал вопросы, интересовался подробностями. Алексу одновременно было жаль его и себя в такие моменты. Его – потому что парень явно не может повеселиться в свои 26, хотя вроде бы и хочет, а себя – потому что все его времяпрепровождение уже стало не весельем, а той же рутинной, хоть и с оговорками. Но когда Алекс начинал рассказывать

о том, что было на выходных – он видел по лицу коллеги, что это звучало для Дэна так, как будто он хвастался. И даже описание завершения вечеринки под политонический плеск блевотины, казалось, интриговало Дэна. Тьфу. И Алекс каждый раз тщетно надеялся, что Дэн не будет об этом спрашивать.

Но вот опять.

– Ну так что, как выходные? – повторил он нетерпеливо.

– Да ничего особенного, – в который раз Алекс попытался не развивать тему.

– Диджеил в клубе? – донимал Дэн.

– Ага. Да. Типа того. – Алексу вдруг отчаянно захотелось поработать и он открыл проект.

– И как было? Весело?

Алекс, стараясь смотреть в монитор, всё же боковым зрением увидел Дэна, который уставился на него и совершенно точно ждал ответа. Алекс набрал в лёгкие побольше воздуха и шумно выдохнул. Видимо, придётся ответить более развёрнуто.

– Сначала на спор засовывали друг другу в уши гренки с чесноком, а потом тот, в кого влезло больше всего, настраивал барменше в карман.

Дэн мгновенно покраснел и, пару раз хлопнув глазами, молча уставился на Алекса. Пауза несколько затянулась, так что Алекс сказал:

– Ладно, не настолько весело. – И добавил, перейдя на от-

кровенность: – Я очень устал и не выспался, сижу теперь тут и не понимаю, что происходит. Очень болят глаза.

Дэн хмыкнул что-то невразумительное, типа «понятно» и отстал, снова погружившись в чтение про лук-порей или что-то там ещё, так что в этот раз Алекс счёл, что ему повезло. К середине дня он раскачался и выполнил все, что нужно было сделать по работе. Он уже было вздохнул с облегчением, предвкушая мирное возвращение домой, но когда выключил компьютер, взял куртку и собирался уходить из офиса, его окликнул начальник, выглянув из своего кабинета.

– Алекс. Зайди на минутку.

У Алекса дернулась жилка на шее. Приглашение в кабинет Виктора не могло быть чем-то хорошим. Алекс повесил пальто, которое не успел надеть, на спинку своего кресла, и зашел к Виктору в кабинет. Тот жестом предложил сесть на стул напротив его стола. Алекс сел.

– Давно хотелось с тобой поговорить. Это уже переходит все границы. – Тон Виктора был самый что ни на есть начальственный.

– Что переходит? – Алекс был искренне удивлен и не понимал, в чём причина этого разговора. Виктор пригладил свою лысину, опустил в кресло и поправил бумаги на столе. Затем нахохлился, придавая себе вид поважнее, и сурово взглянул на подчинённого.

– Я давно заметил, – начал он, – каждый понедельник, а то и чаще, ты приходишь на работу с красными глазами, весь

какой-то помятый, теперь вот и засыпаешь на работе. Посмотри на себя.

– Да это же...

– Ты – лицо нашей компании! – остановив жестом попытку Алекса ответить, с жаром произнёс Виктор.

Алекс посмотрел в небольшое зеркало, висящее на стене по его правую руку. Оттуда на него смотрел темноволосый, с правильными чертами лица, но уставший и не совсем понятного возраста, человек с синеватыми пятнами под глазами и недельной щетиной. Тут он задумался.

– Не считая того, что, похоже, в мешках под своими глазами я прячу, как минимум, пару килограмм картошки, не вижу ничего страшного. Я куплю какой-нибудь крем.

Виктор смотрел на него без тени смены настроения. Алекс сменил тактику:

– Как бы я не выглядел. Меня же никто не видит. Разве я плохо делаю свою работу?

Виктор развёл руками.

– Ты должен быть внимателен, да к тому же проверять ошибки твоего коллеги, который вечно ворон считает, но ты приходишь в таком состоянии, что я боюсь, как бы мне не пришлось проверять ошибки после тебя!

– Разве я плохо делаю свою работу? – повторил Алекс, совершенно уверенный в себе. – Разве не всегда всё проверю по сто раз, разве давал повод усомниться в себе?

– Я не могу знать наверняка, но и не хочу рисковать, –

глядя исподлобья, тоном, не терпящим возражений, сказал Виктор. – Я готов признать, что ты неплохой... хороший сотрудник, но всё это уже не в первый раз. Если я увижу тебя еще раз в таком состоянии, нам придётся распрощаться. Без положительных рекомендаций. Это тебя достаточно мотивирует?

Алекс вскочил со стула, абсолютно сбитый с толку. Претензии Виктора казались ему абсурдными, как будто высосанными из пальца только потому, что босс заскучал.

– Знаете, – сказал в сердцах Алекс, – если вас так заботит, как выглядят ваши сотрудники, почему бы вам не попросить одного нашего коллегу надевать по утрам **ОДИНАКОВЫЕ** носки. У половины офиса уже рябь в глазах. Плохо сказывается на работоспособности.

– Он, конечно, не нобелевский лауреат, зато старается побольше тебя. Парень цель себе поставил и идёт к ней, – ответил Виктор, заметно багровея.

Алекс выскочил из его кабинета. Схватив со стула своё пальто, он мельком кинул взгляд на Дэна и почувствовал укол совести. Весь их отдел уже давно смеялся над тем, что Дэн всё время ходит в разных носках, иногда настолько разных, что было непонятно, как он сам этого не замечает. Алекс был единственным, кто не смеялся – из вежливости и просто потому, что не считал это смешным. Сейчас же он пожалел, что сказал про коллегу начальнику, несмотря на то, что последний и сам про эти злосчастные носки любил по-

шутить.

Однако Алекса этот разговор определённо взбодрил. Босс всегда казался ему достойным человеком, но сейчас – что это вообще было? Без положительных рекомендаций решил уволить за уставший внешний вид! Вот это кувырок. Гандоныш. Мало того, что хочет уволить, да еще и так, чтобы больше никуда не взяли. А всё потому, что босс сидит в своем кабинете, как в чулане, и пытается показать, что он тут важная шишка. Частенько, думал Алекс, начальники не терпят, когда их подчиненные занимаются чем-то кроме работы, даже в свободное время. А уж тем более, чем-то, похожим на веселье. О, это проблема не одной лишь конторы, думал Алекс. Проблема государственного масштаба – правительство тоже изобилует идеями, как отнять любые развлечения и заменить их чем-нибудь ненужным. Вот и Виктор ведёт себя в духе большого правителя и зарубает саму возможность веселья. Веселья, которое потом отражается на лице в виде мешков под глазами. И всё же, это было как-то слишком.

Алекс пошёл домой пешком. Лицо пылало, как разогретая сковородка. Он знал, что сегодня дома его будет ждать Эм – она только вернулась из небольшого тура по стране. Ему хотелось увидеть её и, наконец, обнять, зарядиться её вечной уверенностью в себе, в завтрашнем дне, во всём. Она всегда умела решать проблемы – просто резко, бескомпромиссно отсекая их, срезая, как корки с хлеба, оставляя только мя-

коть. И всегда помогала. Они и познакомились так: Алекс как-то пришёл на своё выступление весь больной, подхватил грипп. Температура приближалась к 39, чувствовал себя невыносимо плохо. Всё равно приплёлся, не желая подставлять Тома. Эм тогда работала в клубном баре и сразу заметила, что диджей едва стоит на ногах, и виной тому во все не алкоголь. Она мигом подскочила к нему и настойчиво всучила какие-то пилюли и стакан с чаем. Когда же вечеринка кончилась, она, поддерживая Алекса, вызвала такси и привезла его домой. Весь вечер она ухаживала за ним, как за родным, но как только он более или менее пришёл в себя, испарилась. Алекса долго не оставляло ощущение, что он потерял что-то необычное и важное. Его поразила её решительность. И внешность – тёмные прямые волосы, собранные в высокий «хвост», спортивная фигура, колючий и прямой взгляд. Ему нравилось даже то, как при своей резкости и уверенности в себе, она съёживается, потирая плечи – она всегда стеснялась сверх обычного накаченных рук – эти мышцы она вырастила, долгое время занимаясь плаванием. Но Алексу доводилось видеть, как она находила применение своим сильным рукам – работая в баре, она хуком справа уложила какого-то проблемного клиента. Казалось, никому спуску не даст – не из тех, кто будет плакаться о проблемах. И как только он поправился, то сразу позвонил ей. Они стали жить вместе через неделю – как выяснилось, конфетно-букетные периоды у Эм не в приоритете.

Прогулка почти не помогла успокоиться, и домой Алекс пришел таким же рассерженным. Эм открыла дверь. Она тоже выглядела заспанной и уставшей, Алекс сразу подумал, что хорошо, что им не нужно было сегодня нигде фотографироваться. То еще зрелище было бы. Как парочка замшелых зомби, разве что ещё не совсем позеленевших.

– Привет, – сказал он.

– Привет. – Эм впустила его в квартиру и закрыла дверь. Она чмокнула его в губы, потёрла покрасневшие глаза, внимательно посмотрела на Алекса и спросила: – Ты чего злой такой?

Он коротко поцеловал её в ответ и, сняв куртку и кеды, прошёл вместе с ней на кухню, где и рассказал ей всё. Она сначала внимательно его слушала, а потом просто пожала плечами.

– Ну и пошли его на хрен.

– А зарабатывать как я буду?

– Другую работу поищи.

– Вот ты простая. – Он вскинул руки. – Тебе бы в советчики президента! «Уважаемый президент, у нас дефолт!», – «Уважаемый советник, что вы посоветуете?», – «Не править страной! Правьте чем-нибудь другим. Шлюпкой, например».

– Ну ты уж сравнил! – возразила Эм, а затем устало хихикнула. – Хотя, конечно, что-то в этом есть.

– Эм, ты его не знаешь совсем, – продолжал своё Алекс. – Он из таких, типа, «если не мое, то и ничье». Перекроет мне

выходы к конкурентам – а это все компании, в которых я мог бы зарабатывать хотя бы почти столько же. В конторах поменьше и платят поменьше. Намного. Ты меня знаешь, я не жадный... Но кто будет платить за квартиру и кто будет оплачивать родительские счета? А диджеем, как ты понимаешь, на жизнь не заработаешь. Так что это плохой совет, Эм. При всём уважении к тебе, дорогой советник.

– Мне кажется, ты просто боишься неизвестности, – предположила Эм.

– Какой там неизвестности. Как раз, всё очень даже известно.

– Ну а что ты предлагаешь тогда? – Она плюхнулась на диван и закрыла глаза. Затем свесила правую руку с дивана и пальцами нащупала на полу бутылку пива. Взяла её и поднесла к губам. Её явно утомлял этот разговор, да Алекс и сам понимал, что это всё пустая болтология. Он чувствовал, что привязан и подвешен за яйца к этой работе.

– Работать, – ответил он.

– И бросишь диджеинг? – удивилась Эм.

– Да ты что, окстись! – Алекс тихонько постучал Эм указательным пальцем по голове. – Ни за что! Ну... Буду стараться высыпаться перед концертами на выходных. Это всё, что я могу сделать. Ну или, по крайней мере, кривить бодрое выражение при начальнике. Может, из бумаги улыбку наклею на лицо.

– Угу, да, приложи все свои старания, – то ли искренне,

то ли саркастически промышчала Эм и, кажется, вырубилась. Алекс не мог ее в этом винить – она была ровно в той же ситуации, что и он, и даже похуже – из-за постоянных концертов и периодических туров по стране со своей музыкальной группой не могла себе позволить выбирать работу и трудилась в баре, где, в отличие от работы Алекса, ещё и платили неважно. В основном – мелочью и руководительскими пиздюлями, и Эм стойчески это переносила. Когда Алекс спрашивал её, как она это терпит, она всегда отвечала:

– Я не перфекционист. Именно поэтому у меня ещё есть шанс стать счастливой.

Зато уж бессонницей они точно не страдали. Во сне они проводили гораздо больше времени вместе, чем в состоянии бодрствования – и всё равно чудовищно мало. Учитывая, что спать подолгу никому из них не удавалось.

3

– Жги, Алекс, жги! – кричал Том, размахивая руками в такт ритму. Когда он поднимал руки, его нескромный живот, похожий на заварной крем на пухлом пирожном, выглядывал из-под серо-зелёной засаленной футболки, но это его ничуть не смущало. Он наслаждался музыкой.

Был биток, клуб «Оса» еле вмещал в себя всех посетителей. Такие ночи – большая редкость, но зимние праздники – хороший повод для людей выбраться куда-нибудь повеселиться и выпустить своих внутренних чертей. Девчонки в совершенно немислимых нарядах одинаково извивались, пьяные, под треки, которые они любили и под треки, которые они не знали и никогда не запомнят. Алекс, как максимум – наслаждался этим зрелищем, как минимум – забавлялся. Трясущееся пузо Тома, конечно, было гвоздём вечеринки и то и дело норовило вытолкнуть неуверенно держащихся на шпильках барышень с танцпола. Иногда оно так угрожающе тряслось, что Алексу даже казалось, что оно вот-вот оторвётся от своего хозяина и само уйдёт в неизвестном направлении. Одно было плохо, думал Алекс – сегодня ночь с воскресенья на понедельник (тем удивительнее такой аншлаг) и утром вновь нужно на грёбаную работу. Он честно попытался поспать днём, но тщетно. Ворочался и не мог даже закрыть глаза, организм явно не понимал, чего от него

хотят. Так или иначе, было решено сегодня не пить привычный виски в привычном количестве, чтобы быть утром в приемлемой форме. Одно дело – хотеть спать, и совсем другое – вырубаться от отходняков, когда ещё и мутит вдобавок. Но надо было хорошо отыграть сет, да хорошо поработать. Такая гиперответственность, порой кажущаяся необоснованной, была Алексу свойственна уже много лет. Родители воспитывали его в строгости и всегда ожидали большего от него, особенно когда родился его младший брат Ник, которому требовалось гораздо больше заботы. Но когда Алексу стукнуло 17, он попал в клуб, без памяти влюбился в музыку, искусство сведения и соответствующую атмосферу. И всегда старался всё совмещать – оставаться для родителей хорошим сыном, идущим, по их мнению, правильным путём перспективного инженера, и своё любимое дело. Поэтому и сил у него едва хватало. Алекс чувствовал ответственность буквально за всё, но не мог отказаться от музыки и идущих в комплекте с ней вечеринок. Алекс отыграл свой сет до трёх часов ночи, но уйти ему не позволял негласный кодекс, по которому следует оставаться на сет тех, кто слушал тебя. Так что он остался и пошел к бару изучать безалкогольный ассортимент.

– Что-то подсказать? – удивился бородатый бармен, видя его недоумевающее выражение лица. Алекс растерянно смотрел на бутылки со знакомыми названиями, и ни одна из них не была соком.

– Есть что-нибудь безалкогольное?

– Для тебя? – еще больше удивился бармен, прекрасно зная вкусы постоянного клиента.

– Думаешь, я настолько потерян для общества, что хочу угостить кого-то минералкой?

Бармен пожал плечами.

– Все тут потеряны. Кто вас разберет. Сок есть. – Он достал из-под барной стойки коробку с апельсиновым соком.

– Давай, – сказал Алекс, доставая деньги.

– А что это ты? – всё-таки поинтересовался бармен, наливая сок в высокий стакан.

– Решил попробовать. А то из всех соков мой организм знаком только с желудочным, – печально ответил Алекс, а затем добавил честно: – На работу скоро. – Он услышал из собственного рта эти слова, будто сказанные кем-то другим. Так неубедительно это звучало. Бармен с сочувствием кивнул, поставил на стойку стакан сока и положил сдачу. Алекс взял напиток и деньги и присел на край большого тёмно-красного дивана в углу зала. Одиночество, как обычно, прервалось слишком быстро.

– Шикарнейший сет, Алекс, дружище. – Вразвалочку подошел Том и похлопал его по плечу. Пузо его снова было скрыто футболкой, на которую он уже что-то пролил. – Я так хлопал, что, кажется, ладони сломал.

– Очень рад, – улыбаясь, искренне сказал Алекс.

– Слушай, – Том понизил тон голоса и Алекс сразу понял,

что он хочет сказать, – сегодня не окупился вечер, ты же знаешь, мне надо оплатить дорогу и отель московскому диджею, ну и всё такое. В общем, с деньгами напряг, я тебе всё возмещу в следующий раз, окей?

– Ты опять пользуешься моим энтузиазмом, Томми.

– Я такая же жертва обстоятельств, дружище, я сам на деньги попал! – Он вскинул ладони, как бы защищаясь.

Алексу было что ему сказать, но он не стал, и, внезапно, в свойственной ей манере, на него неожиданно накинулась Олеся – её имя на этот раз он вспомнил.

– Привеет, идём тусииить! – как обычно кричала она ему в ухо, пытаясь его обнять, не пролив стакан своего отвратительно пахнущего мочеподобного клубного пива.

Том с облегчением по-тихому свалил, оставив Алекса с ней. Алекс попытался аккуратно расцепить её крепкие объятия, больше похожие на захват «петлёр» в греко-римской борьбе, пока она не привела его в «партер», но она лишь едва ослабила хватку и села рядом с ним.

– Сегодняшний сет, – чуть не задыхаясь от возбуждения, заговорила она, светя своими огромными глазами ему прямо в лицо, как в фильмах полицейский светит подозреваемому в лицо настольной лампой, – он просто башню сносит! Я просто пришла на танцпол, а потом – вжух – и уже прошёл целый час, а я всё танцую. Ты видел? Видел?

– Да, ты же была прямо у сцены, – ответил Алекс, переведя свой взгляд на стакан с соком. – А я как раз сегодня

прозрел.

– Слушай, – сказала она чуть тише и её рука легла ему на колено, – не хочешь пойти отсюда куда-нибудь?

Он посмотрел на неё, пытаясь понять масштабы катастрофы. Она была пьяна, впрочем, не больше обычного.

– Это куда? – из праздного любопытства спросил он, зная, что никуда с ней не пойдёт.

– Ну, – выдохнула она, приближаясь к нему ближе, так что он уже чувствовал её горячее дыхание, – тусить.

– Тусилка не лопнет? – спросил он. Она сделала обиженное лицо, будто Алекс ей что-то должен.

– Ну и тупи тут один, – резко отпрянув от него, огрызнулась она и ушла, повивая задом. Несколько человек, стоящих рядом, озадаченно посмотрели ей вслед.

– Охренеть, – только и смог сказать Алекс. Он действительно потупил несколько секунд, а потом пошел к бару, почти забыв, что пьёт непривычный сок. Захотелось набрать Эм, чтобы просто поболтать с ней, хотя она и не любила «просто болтать», но тут он увидел две лохматые головы – блондинистую и огненно-рыжую. Это у бара тёрлись его лучшие друзья: Лера и Оскар. Они радушно поприветствовали его.

– Что пьёшь? – спросил Оскар, кивнув на почти полный стакан с апельсиновым соком.

– Никогда не догадаешься, – сказал Алекс. Тогда Оскар взял у него стакан и сделал глоток.

– Фу, ты что, педик? – засмеялся он.

– Да иди ты, – Алекс с Лерой тоже начали хихикать.

– Нет, серьезно, ты что, за здоровьем следишь? А Эм где?

Что-то давно не видел её.

– Да на работу утром, начальник беснуется, надо быть огурцом. А Эм только из тура вернулась, дома отдыхает. Наверное.

– О, и как?

Алекс, к своему стыду, понял, что совсем не знает как. Он был так поглощен собой, что даже не спросил её о туре, о том, как у нее дела. А сама она никогда бы не стала рассказывать.

– Да нормально, – отмазался он и постарался сменить тему. – А как ваши дела?

Оскар заговорщицки посмотрел на Леру и, картинно приобняв её, сказал:

– Так вот о наших делах, мы хотели тебе кое что предложить. Поиграешь у нас на свадьбе?

– Святые сардельки! Поздравляю! – Алекс от души улыбнулся, наблюдая за радостью на лицах друзей.

– Спасибо, приятель! Покрутишь там свои штучки, вот эту люблю, где ты так «пиу-пиу» делаешь?

– Чего делаю? – засмеялся Алекс.

– Ну вот это вот, – Оскар изобразил что-то невнятное, какие-то движения руками, популярные в 90-х годах.

– Не понимаю о чем ты, но я с радостью «пиу-пиу» и «вою-

воу», и что ты там ещё захочешь у вас на свадьбе. Когда она?

– Через три месяца! Мы летим в Черногорию и будем праздновать три дня! – улыбаясь, сказала Лера.

– Три дня нескончаемого веселья, кутежа и «пиу-пиу», – добавил Оскар.

– Ты хочешь, чтобы я сводил треки трое суток подряд? Тебе придется приставить ко мне слугу, который будет меня кормить и отгонять от меня мух.

– Я даже знаю такую. – Оскар указал на Олесю, которая прыгала под звуки очередного трека, двигаясь невпопад.

– Пощади. – Алекс театрально закрыл лицо руками. – Это как раз самая большая муха.

– Выглядишь совсем хреново, тебе надо расслабиться. – Оскар взял у друга из рук сок, поставил на барную стойку и отдал свой Джек Дэниелс.

– Пообщайся со старым приятелем немного, он вернет тебя к жизни. – Оскар кивнул на бокал.

Алекс посмотрел на друзей, затем в зал, потом на московского диджея, на Олесю.

– Ладно, пара глотков погоды не сделает.

ме. Он едва ли понял, как преодолел дорогу. Зашел в офис и, убедившись, что никого рядом нет, стал уничтожать воду из кулера. В такие моменты он удивлялся, как вообще способен пить что-то кроме воды – кроме этой волшебной, прозрачной, прохладной воды! Алекс мысленно крыл себя всеми известными ему ругательствами.

В коридоре послышались шаги и он, быстро опрокинув весь пластиковый стаканчик живительной силы в себя, поспешил сесть на рабочее место. У него не было никакой уверенности в том, что от него не несет перегаром, хотя сам он, конечно, этого не ощущал.

Он едва успел сесть за компьютер, когда дверь в офис открылась, а на пороге появился человек, которого он меньше всего хотел видеть. Виктор. Босс подозрительно взглянул на него, Алекс поздоровался, стараясь максимально серьёзно смотреть в монитор, начальник ответил, затем задержал взгляд на нём на пару секунд, а потом отправился к себе.

Уже проверять начинает, думал Алекс. Нехорошо.

Он только попытался сосредоточиться на работе, игнорируя тупую боль в голове, как ему позвонила Лера.

– Привет, – ответил Алекс.

Она, в свойственной себе манере говорить со скоростью десять слов в секунду (хотя, Алекс, конечно, не считал, но у него было именно такое ощущение), затараторила:

– У нас сегодня тут такая ситуация, в общем, на работе корпоратив, а с музыкантами накладка вышла, по-моему, им

отказались вносить предоплату, они отказались играть, ну и всё такое, Алекс, прошу тебя, выручай!

– Нуу, не знаю, мне нужно поговорить с моим продюсером, – манерно растягивая слова, пошутил Алекс.

– Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Что же мне делать, ты ведь всё равно от меня не отстаешь? Сколько платят? – добродушно ответил он.

Она замялась.

– А по дружбе? Совсем чуть-чуть, всего пару часов, а? Мы что-нибудь придумаем, но много денег для тебя я не смогу выбить у начальства... Но ведь и девчонок обламывать не хочется, как это – пить в тишине?

Он задумался. Да, действительно. И не припомнить, чтобы на праздниках пили в тишине. По крайней мере, для начала всегда нужна музыка. В конце вечеринки даже если музыки нет, то отдыхающие найдут её сами.

– Что ж, это моя святая обязанность. Не могу же я позволить вам слушать музыку с телефонов. Кто знает, что вы там понавключаете? Я приду, Лера. Когда и куда?

Она рассказала ему детали, да в таких подробностях, что он провисел на телефоне ещё минут двадцать. Дэн, сидевший напротив, начал сверлить Алекса глазами, так что он намекнул Лере, что ему пора работать, и они попрощались до вечера. Дэн всё смотрел на Алекса таким взглядом, которым смотрят изображённые на жутких портретах люди – куда бы ты не переместился, их глаза всё время направлены

на тебя.

Алекс достал из ящика стола маленький ежедневник в черном кожаном переплете и привычно записал туда информацию о наметившемся мероприятии. Убрав ежедневник обратно, он посмотрел на коллегу, который, казалось, даже не моргал.

– Ты чего?

Дэн вышел из анабиоза.

– Ничего, задумался, – буркнул он.

И они приступили к работе.

Вечером того же дня Алекс приехал в маленькое заведение в центре, обставленное в стиле «говно мамонта». Стулья в старых тряпочных чехлах, перевязанные бордовыми ленточками, столы, покрытые какой-то ветошью – всё это наводило тоску. Кое-какое оборудование, к счастью, было, но по огромным лохмотьям пыли, свисающим с коммутации, Алекс понял, что музыка здесь звучала очень и очень давно, и не исключено, что невесёлая. «Корпоратив» представлял собой совокупность дюжины женщин разных возрастов, скреплённых, как степлером, одной целью – побыстрее нажраться и забыть о своей нудной бумажной работе (или о своих, вероятно, нудных жизнях) хоть на один день. Алекс без лишних разговоров стал подключаться.

Не прошло и тридцати минут, как дамы быстренько нажились мартини, оживились и начали танцевать. Одна из них,

та, что постарше, с неровно покрашенными розовым губами и пышной причёской, налила в стакан виски, подошла к Алексу и, нелепо подмигнув, поставила стакан рядом с ним. Её подмигивание выдавало в ней когда-то активную завоевательницу мужских сердец, которая потеряла навык. Первая девка на вымершей деревне. Такие дамы не нравились Алексу – и дело было даже не в возрасте. Ему просто неприятно было находиться с такими людьми рядом – чувствовалось, что они ненастоящие, что-ли.

– Я сегодня не пью, я не... – попытался возразить Алекс, но она сделала обиженное лицо, отчего возле покрашенных губ стало больше морщин, затем взяла стакан в руку и уверенно протянула Алексу. Он, конечно, счёл себя слабовольным мудаком. Он не захотел показаться кисломордым снобом и портить даме вечеринку, так что просто взял этот стакан и сделал глоток. Она, довольная, будто развела клиента, пошла к остальным танцевать. Алексу показалось, что он её где-то видел, но никак не мог вспомнить. Позже она ещё не раз подходила и подливала ему виски, каждый раз ожидая рядом и смотря, чтобы Алекс отпивал. Как надзиратель. Несколько раз она пыталась вытащить Алекса самого на танцпол, но он отказывался, не пытаясь строить из себя гусара, что она явно восприняла как личное оскорбление.

В остальном, вечер закончился весьма неплохо, дамы были гораздо пьянее стандартной публики в клубах, зато Алекс чувствовал себя отлично и знал, что утром будет чувство-

вать себя также. Четыре виски еще никогда не выбивали его из колеи, и он был горд, что завтра не будет ловить презрительные взгляды своего босса.

Вот он снова в офисе, бодр и почти в прекрасном настроении («почти» – потому что снова не выспался). Начал активно работать над проектами и уже к середине дня выполнил то, что было запланировано на завтра, и даже когда возле него встал Виктор и стал наблюдать за ним, Алекс не сразу его заметил.

– Кхм, Алекс, отвлекись, пожалуйста, – попросил начальник. Алекс отвернулся от монитора, взглянул на его лицо, и вдруг ему стало не по себе. Виктор стоял прямо и держал руки за спиной. Взгляд его был холодным, а лицо таким напряжённым, как будто тому не вполне удалось просратья с утра.

– Да? – спросил Алекс. – Чем могу помочь?

– Ты помнишь, что я тебя предупреждал о вероятном влиянии твоих вечеринок на твою карьеру?

Алекс боковым зрением заметил, что Дэн, сидящий напротив, отвлёкся от компьютера и наострил уши.

Карьера – слишком сильное слово, конечно, подумал Алекс.

– Да, а что такое? – спросил он, всё ещё ничего не понимая. Виктор не стал тянуть.

– Дело в том, что у моей супруги вчера на работе был корпоратив, я взглянул на фотографии и, неожиданно для себя,

заметил одно известное мне лицо. Знаешь, чье?

Алекс, конечно, тут же понял, о чём он, хотя и был немно- го удивлён. Так вот где он лицезрел эту женщину, которая лезла к нему весь вечер – на семейной фотографии на ра- бочем столе начальника. Но Алекс не видел за собой вины и не стал отпираться.

– Да, я играл вчера на корпоративе, – сказал он, стараясь говорить спокойно. – Меня попросила подруга. Но я не на- пивался, просто играл.

– А вот моя супруга утверждает обратное. Говорит, ты пил весь вечер и на ногах еле стоял. Я специально спросил её об этом. Как ты думаешь, кому я поверю?

В Алексее поднималась волна негодования и злости. На но- гах не стоял? Он не знал, что ответить, не оскорбив при этом жену босса. Это она так танцевала, что сломала каблук, кото- рый едва не прилетел кому-то на тарелку. Даже Ричард Рид без обуви был безопасен, но только не она. Это она, поссо- рившись с одной из коллег, едва не организовала в ресторане ринг для кетча. Это она к концу вечера пахла как камамбер (не в значении «элитно»).

Пауза затянулась. Наконец, Алекс открыл было рот, чтобы возразить, но Виктор жестом остановил его.

– Я достаточно тебя предупреждал. Имидж компании очень многое значит, Алекс, и его определяют сотрудники, поведение сотрудников, их внешний вид – всё. Я пытался по- человечески, но ты не проявил к моим просьбам никакого

уважения. Так что выбирай. Либо твои вечеринки, либо эта работа. Размышляй до завтра, и утром я жду от тебя либо заявление об уходе, либо – и я надеюсь на это – верное решение стать человеком.

Не дожидаясь ответа и как будто опасаясь его, он развернулся и вышел, по привычке проведя рукой по своей лысине.

Алекс кипел, на языке вертелись одни нецензурные проклятия. Дэн что-то с энтузиазмом спрашивал его, но он не слышал. Он до обеда ни с кем не разговаривал, а когда вылетел из офисного здания на перерыв, первым делом позвонил своему знакомому. Игорь работал вместе со Алексом, они подружились, тогда он был здесь в почете, считался ценным сотрудником. Но Виктор стал прессовать и его из-за того, что Игорь частенько опаздывал на работу. Игорь, будучи талантливым раздолбаем, особенно не парился и, как только босс в очередной раз начал брызгать слюной, написал заявление и ушел, думая, что легко найдет работу получше. После этого общение Алекса и Игоря постепенно сошло на нет как-то само собой, но они всегда рады были друг друга слышать и видеть.

– Хэй-хэй, привет, Алекс! – услышал он в трубке бодрый приветливый голос Игоря и подумал, видно, у того всё в порядке.

– Привет, дружище, как жизнь? – спросил Алекс, начиная невольно улыбаться, радуясь весёлому тону собеседника.

– Отлично, лучше не бывает, сам как? Не ожидал тебя

услышать.

– Да, – Алекс немного замаялся – хотелось сразу перейти к делу, – я нормально, а ты как там, на работу устроился?

– Слууушай, – Игорь немного сменил интонацию на менее жизнерадостную, – ну устроился, конечно, да нечем гордиться особо.

– А что так? – Алекс понимал, что его опасения оправдываются, и бодрый голос приятеля в начале разговора навёл его на ложные мысли.

– Устроился менеджером среднего звена, – признался Игорь.

– Как так? Старик, ты же профи, как так вышло?

– Да по ходу угрозы этого говнюка – до сих пор твоего босса – не пустые слова. Перекрыл он мне все пути, да так, что не подкопаешься, да и не пожалуешься никому.

– Чёрт. Я думал, он просто выебывается. – Алекс прикусил губу.

– А что такое? У тебя тоже проблемы с ним?

– Похоже на то.

– Ну уходи, устроишься кем-то другим.

– Кем-то другим? – Алекс не ожидал услышать такой совет. – И как тебе в роли «кого-то другого»?

Игорь помедлил.

– Да не особо, честно говоря, – признался он. – Зарплата вдвое меньше, а геморрой нарастил себе размером с кулак.

– Предлагаешь мне тоже завести себе такой?

– Так а что там у тебя?

Алекс рассказал Игорю свою ситуацию в подробностях. Хоть Алексу нравился Игорь, хоть он считал его хорошим парнем, но тот будто не понял, о чём он ему говорил.

– Ну и подумаешь – проблема. С тусовками завязать! – хмыкнул Игорь. – Да тебе же лучше. Эту работу потеряешь, потом жалеть будешь. Какой бы мразью не был Виктор, а платит он получше остальных. Босс и не скупердяй – ты еще найди такого! Я бы не страдал муками выбора на твоём месте. А то вы сейчас скрестите бороды, разругаетесь, и будешь потом работать «чемямогувампомочь». Да и вообще: может, поднимешься по карьерной лестнице и меня обратно возьмешь? Ты там не забывай меня.

– О тебе-то я помню, да разве выше этого козла прыгнешь?

– Не знаю-не знаю, – в трубке ненадолго воцарилось молчание.

– Спасибо, Игорь, – сказал Алекс, наконец, – мне нужно было узнать твоё мнение.

– Да не за что, звони-пиши.

Алекс повесил трубку и пошёл обратно на работу, злой как чёрт на всех и вся.

Вечером Эм встретила его дома, что бывало крайне редко. Он уже потерял счёт её отъездам, концертам и турам. Он был рад.

– Неужели ты и сегодня дома!

– Да уж, бывает же! – засмеялась она. – Смотри-ка, что я могу!

– Ого, у нас праздник? – полюбопытствовал Алекс, затем подошёл к плите и снял крышку с одной из кастрюль, заглядывая внутрь. – Кто это у нас тут? Ого, Готфрид Бульонский собственной персоной!

– Это тебе на случай опохмела, – улыбаясь, сказала Эм.

– Так по какому поводу вот это всё? – снова спросил Алекс, показывая на накрытый стол.

– Да вот решила перед отъездом порадовать и порадоваться.

Хорошее настроение как ветром сдуло.

– Снова оставляешь меня одного в эти тяжёлые времена, – печально сдался Алекс.

– Какие ещё тяжёлые времена? – Напряглась Эм.

Он сел за стол не в силах отказать себе во вкусном ужине. Эм сделала то же самое. Пережёвывая кусок запечённой свинины, Алекс сказал:

– Я же тебе рассказывал... Виктор ставит мне ультиматум.

– Ах, это... Ну скажи ему, что завязал. Соври. Делов-то. – Эм пожала плечами.

– Я, конечно, могу прикинуться одуванчиком, сделать вид, что бросил музыку и всё такое прочее, и продолжать играть дальше, но вдруг он спалит меня?

– С чего бы ему тебя спалить? – удивилась Эм.

Алекс рассказал Эм, как жена Виктора наговорила ему

на него.

– Чёрт возьми, да они охренели там, – возмутилась Эм. Не хочешь послать его ко всем херам?

– Хочу.

– Ну и?

– Есть одна сложность.

Она сделала удивленные глаза и уставилась на Алекса, в своей манере не понимая, в чём заключается сложность кого-то куда-то послать, и он ответил на её немой вопрос:

– Да он неугодным сотрудникам кислород перекрывает, я Игорю сегодня звонил. Помнишь его?

– Помню, конечно. Он-то твоего босса как раз и послал подальше. Хороший чувак.

– Так вот, он так и не устроился. А ты же знаешь, он спец покруче многих, и профиль у него широкий. Он всё может, всё умеет.

– Так и что с ним?

– С ним то же самое, что и будет со мной, если я уволюсь. Он сидит на средненькой зарплате, и вообще не похоже, что рад тому, как всё сложилось. Если уж он достойной замены не нашёл... Я не могу терять деньги, ты же в курсе, мне нужно помогать родителям и Нику – ты знаешь, что родители и трети его лекарств оплатить не смогут. Квартиру, опять же, оплачивать... Чёрт, да даже виски, который мы сейчас пьем, стоит уйму...

– Я не буду советовать тебе бросить диджеить, – резко ска-

зала Эм.

– Тут ты меня понимаешь, – с теплотой сказал Алекс. – Я и не собираюсь ничего бросать. Но я не могу сейчас уйти на зарплату вдвое меньше той, что я имею. А кто мне будет платить столько же? Да никто. Виктор не жадный человек, и это его огромное достоинство. Но при этом он требует какую-то ерунду. Сдались ему мои вечеринки...

– Ты же знаешь, есть люди умные, а есть... для баланса. Как твой босс. Но слушай... – сказала Эм, зажав вилку в кулаке, – я даже не знаю, чем тебе помочь. Я даже не знаю, кто тебя запер в этой ситуации – твой долбоначальник или ты сам. Всё это какая-то утопия.

– Утопия – это когда ты волен над своей судьбой. Но если умеешь хоть что-то чувствовать – волен над ней ты никогда не будешь. Я чувствую. Чувствую, что хочу продолжать диджеить. Всю жизнь хочу это делать.

– Тогда какие твои планы касательно начальника?

– Пожалуй, ещё попробую поиграть дурака. Делать всё как обычно, но не палиться.

– Попытка номер два. Пробуй. – Эм положила вилку на стол и поцеловала Алекса в щёку. – А я, пожалуй, пойду спать. У меня самолёт в 7 утра.

Алекс доел ужин и сидел ещё так какое-то время, чувствуя себя совершенно пустым, в состоянии какой-то стагнации.

6

Алекс ждал этого фестиваля очень давно, многих друзей и знакомых звал на него. Центр города, большое старое кирпичное здание, в котором разместился горячо любимый клуб «Оса», в котором Алекс провёл бесчётное количество вечеров и ночей. За десять лет существования клуба Алекс уже настолько привык к нему, что нашёл бы сюда дорогу вслепую. Сегодня он выступал в большом зале, где неизменно был отличный свет и звук. Ещё на входе, в атмосферной подворотне, где стены были исписаны всевозможными названиями музыкальных групп, а запах пива, казалось, уже едва ли не исходит от асфальта, Алекс увидел переминающихся с ноги на ногу в ожидании начала вечеринки знакомых, что само по себе было хорошим знаком. Он ощущал прилив энергии и чувствовал, что сможет повеселиться и без алкоголя. Он поприветствовал их, они весело помахали ему, и он прошёл в клуб. Время шло безумно быстро – ему казалось, что он едва успел поздороваться со всеми, как уже настал момент для игры. Когда он выходил на сцену, его ноги будто пружинили. Сет пришёлся на середину мероприятия, когда зал уже был забит под завязку. Софиты светили в лицо, и он не мог разобрать всех, кто находится на танцполе, лишь улавливал безумные танцевальные движения и атмосферу всеобщей сплочённости. Любимый космос. Пару раз уловил

всполохи ярко-бирюзовых волос той приставучей девчонки, имя которой он снова не мог вспомнить – она плясала ближе всех, явно снова стараясь обратить его внимание на себя, чуть ли не расталкивая локтями танцующих рядом девчонок. Алекс свёл с предыдущим следующий трек.

Когда его сет закончился, он вышел в прохладный зал весь мокрый, перегретый софитами и общей атмосферой зала и сразу же наткнулся на своих вечно лохматых друзей: Оскара и Леру. Они были страшно довольны и, как обычно, очень приветливы. Футболка Алекса всё ещё была влажная, хоть и уже становилась неприятно холодной, так что он не стал их привычно обнимать, а просто поприветствовал на словах. Они пошли в бар, где он взял ананасовый сок, не избежав однообразных шуточек Оскара о его невиданной трезвости. Чуть позже к ним присоединились и другие их друзья и приятели. Вдоволь наобнимав любимого диджея Алекса по кличке «3-джей», не беспокоясь о его мокрой футболке, они наперебой шутили и большой компанией опустошали бар. Через какое-то время Алексу понадобилось отлучиться в туалет, и он, всё ещё сдержанно посмеиваясь от очередной услышанной шутки, направился в уборную, когда его окликнул знакомый голос. Ещё не поняв, кто его зовёт, он обернулся и увидел Дэна с его супругой – невысокой женщиной минимум лет тридцати с прямыми тёмно-русыми волосами выше плеч и строгим лицом без каких-либо признаков косметики. По этой парочке сразу было понятно, кто

в доме хозяин. Алекс мысленно посочувствовал Дэну. Тот стоял в оцепенении, будто боясь всего вокруг.

– Святые сардельки! Вот это да! – выразил Алекс свое удивление.

Дэн сконфуженно улыбнулся, его супруга вообще не изобразила никаких эмоций. Алекс поздоровался с ней, она молча еле заметно кивнула.

– Какими судьбами? Не ожидал здесь тебя... вас увидеть. Уж думал, скорее весь лук-севок попадёт в рай, чем Дэн посетит клуб. – Алекс улыбнулся, но его попытка пошутить не произвела ни на кого впечатления. Впрочем, для себя он отметил, что в шутках про овощи у него совсем нет опыта, поэтому его провал закономерен.

– Я... мы тут да, вот как-то... зашли, – промямлил Дэн, заглушаемый музыкой.

– Мм... – только и смог сказать Алекс, чувствуя какую-то неловкость и недосказанность. Потом, наконец, решил уточнить: – Не думал, что вы ходите на такие мероприятия. Ты вроде говорил, что вы иначе свободное время проводите.

– Н-ну да, обычно не ходим... А тут вот решили посмотреть на тебя.

Жена еле заметно дёрнула мужа за рукав. Алекс заметил это лишь потому, что был совершенно трезв, как, в общем-то, и они. Он прищурил глаза и сказал:

– Да я, кажется, не говорил тебе о сегодняшнем мероприятии.

– На афише увидели, – подала голос жена Дэна и изобразила кривую недоулыбку. Алекс понимающе кивнул, не найдя слов.

– Эмм... ну, нам пора. Здорово ты там вот это вот всё делаешь, – снова подал голос Дэн и, коротко попрощавшись, они испарились, так что Алекс ничего толком не успел понять. Он только подумал, что это странно – ходить в клубы и при этом явно не понимать, зачем. Вечеринка была в самом разгаре, а Дэн с женой будто дверью ошиблись. Алекс пожал плечами, мысленно отвечая на свои собственные вопросы, и пошёл дальше по направлению к уборной. Кто их знает, может, эти садоводы переборщили с топинамбуром и тоже просто искали туалет?

«Ну что ж, вполне неплохо», – думал Алекс, в хорошем расположении духа заходя в офис. Ни капли спиртного и супер-вечеринка. Немного простыл, правда – всё-таки сквозняк настиг его вчера, а сегодня глаза его покраснели и неистово слезились, нос был красным от постоянных вымаркиваний и вытираний салфетками, в горле пересохло. В остальном – он был рад своей маленькой трезвой победе, в конце концов, решив, что выпьет что-нибудь в пятницу после работы, если захочется. Конечно, захочется. В пятницу-то. После работы. Холодненького. Со льдом.

Он открыл хлипкую дверь в офис, поздоровался с Дэном, который как почти всегда, пришёл на работу раньше Алекса и сидел, вжавшись в своё кресло и разглядывая журналы, «прости господи», по садоводству.

– Привет, – сказал он.

– Привет, тусовщик, – улыбнулся ему Алекс.

Дэн ничего не ответил и снова угрюмо уткнулся в журнал. Алекс подумал, что, видно, его стерва совсем парня прессует – каждый раз он живо интересовался информацией о тусовках, а сейчас надул щёки так, будто морского ежа во рту прячет. Или важности себе придаёт.

Алекс сел за компьютер и уже было начал работать, как услышал из-за двери знакомую и такую мерзкую фразу:

– Алекс, зайди пожалуйста.

– Да что ж такое опять, – сказал он в сердцах.

Виктор был мрачнее тучи и это не предвещало ничего хорошего. За долю секунды Алекс перебрал все возможные мотивации Виктора злиться на него, но, ничего не найдя, успокоился и сел напротив него. Возможно, подумал Алекс, ему придётся снова исправлять какой-нибудь большой косяк Дэна, и босс будет ругаться на него за то, что он прошляпил его ошибку. Редко, но всё же такое бывало. Виктор посмотрел на Алекса своими бычьими глазами и резко выпалил:

– Я жду от тебя заявление об уходе по собственному желанию.

– Чтооо? – не понял Алекс. – Почему?

– Потому что ты натурально издеваешься надо мной! – закричал Виктор, и его шея приобрела вишнёвый оттенок.

Алекс аж ошалел.

– Да что происходит? Объясните хотя бы! – резонно попросил он. Виктор многозначительно шумно выдохнул, положил локти на стол и посмотрел в сторону, возвращая самообладание. Затем снова взглянул на Алекса.

– У тебя вчера было выступление, так? – сказал он гораздо спокойнее.

«Хм, а всё не так просто», – подумал Алекс.

– Да, было. Но я же трезв, как видите, – он развёл руками.

– А я слышал совсем иное, – отрезал Виктор.

Волна негодования нахлынула на Алекса.

– Что, опять? Мне очень интересно узнать кто и что вам такое сказал.

Виктор отмахнулся, будто это вообще ничего не значило. И тут до Алекса дошло.

– Дэн, он что, теперь помимо своих обязанностей ещё и шпионом вашим заделался? А я-то думаю, чего это вдруг его принесло вчера в клуб.

Виктор сначала будто хотел что-то возразить, но потом слегка осел. Он глубоко обречённо вздохнул и сказал:

– Буду с тобой честным, я вижу, что ты хочешь и на ёлку влезть, и жопу не оцарапать. И что хуже того – ты врёшь, снова врёшь, а я ненавижу, когда мне врут, особенно мои подчинённые. Ты же снова пил – у тебя глаза красные, кашляешь вон, сушняк твой вижу, я же не идиот! Мы с тобой уже обо всем договаривались, и рисковать я не хочу. Это имидж компании. Я не собираюсь каждый день, как мамка, контролировать, приходишь ли ты на работу с похмелья или нет. Это не делает чести ни мне, ни тебе. Я никогда не имею дел с алкоголиками. Алкоголизм – зло. Это приговор.

– Виктор, вы ищите проблему там, где её...

– Стоп, – резко оборвал Виктор. – Хватит делать из меня дурака. Уговор был и остается таким: никаких твоих вот этих там тусовок. Ты говоришь, что не пьешь, но мне уже дважды – ДВАЖДЫ – говорят совсем другое. Переставай делать из меня дурака.

– Я... – снова попытался Алекс.

– Разговор окончен. – Виктор сделал останавливающий жест рукой. – Последний шанс, Алекс. Действительно последний – только потому, что ты хороший специалист. Но у меня есть кого посадить на твоё рабочее место. А теперь иди и не попадайся мне сегодня на глаза. И, разумеется, в этом месяце премию не жди.

Он сделал жест рукой, показывая Алексу выметаться и не дав ему шанса ответить. Алекс понимал, что если бы он стал говорить, Виктор бы, наверное, словно трёхлетний мальчик, заткнул уши руками и стал бы кричать «бла-бла-бла». Он вышел, сдержавшись, чтобы также по-детски не хлопнуть дверью. Дэн отвлёкся от своего любимого журнала и вопросительно посмотрел на Алекса.

– И что? – спросил его Алекс, глядя ему в щенячьи глаза.

– Что? – делано переспросил он.

– Какие у тебя бонусы за то, что ты Виктору на меня наговорил?

Дэн резко покраснел и замялся, не давая ответа, а только еле заметно шевеля тонкими губами, и тогда Алекс выскочил в уборную. Там умыл лицо холодной водой, отдышался и... пошёл на своё рабочее место, не желая видеть Дэна, Виктора и ненавидя самого себя.

В таком гнусном настроении он вполсилы проработал неделю, и, когда в очередной раз он пришёл домой не в духе, вернувшаяся Эм встретила его дома. Она была чем-то подавлена, впрочем, он не сразу обратил на это внимание, так как она сказала ему слегка подсевшим голосом, как только он показался в дверях:

– На тебе лица нет.

Он шумно вздохнул и, стоя в прихожей, выпалил всё, что держал в себе всю неделю – всё, что думает о Викторе, его скучной занудной жизни, о невнятном термине «имидж компании», о Дэне и о том, что ему непременно нужно свернуть его садоводческие журналы в трубочку и засунуть себе поглубже... И о том, что гори они все синим пламенем.

– Налей мне чего-нибудь покрепче, Эм! – Алекс швырнул куртку на вешалку и пошёл на кухню, где Эм без лишних слов наполняла два вискарных стакана. Она задумчиво сделала большой глоток виски, а он продолжал, расхаживая по кухне взад и вперёд:

– Мне надоело прикидываться морской губкой. Пусть я не буду зарабатывать столько, но чёрт возьми! Буду тратить на себя меньше. Я люблю веселить людей, Эм! Я люблю видеть, как они танцуют, как улыбаются, отдыхают, выпадают из будней. Я, в конце концов, имею право отдыхать сам! Я

не хочу работать в офисе, я хочу топтать виноград! Я что, из-за этого гнидыша буду теперь простой офисной крысой? Батрачить, а потом идти домой в страхе как бы кто не подумал, что я (о боже!) что-нибудь выпил или сходил куда-то повеселиться? Чёрт, да у них просто жизни нет, вот они... завидуют? Эм, так они завидуют что-ли?

– Угу, – Эм кивнула. Она слушала, не перебивая, но как-то отстранённо. А Алексу, в конце концов, необходимо было высказаться после недели косых взглядов и тотального контроля на работе.

– Пошли они к чёрту! – сказал он, наконец, и залпом выпил виски.

– Пошли они к чёрту, – подхватила Эм, подняв стакан и осушив его.

– Вот уж хрен им всем. Завтра приду и положу заявление на стол. А в нём напишу: «Прошу уволить меня по собственному непреодолимому желанию жить полной жизнью». Ну устроюсь на что-нибудь попроще. Главное, понемногу помогать родителям, но уж... сам буду жить поскромнее. Игорь как-то справляется, верно ведь?

– Угу.

На секунду они задумались, смотря перед собой с пустыми стаканами в руках, а затем Эм понимающе спросила:

– Ещё налить?

– Чертовски верно мыслишь.

Она наполнила бокалы и поставила их на стол. Алекс об-

нял её, вдохнув запах её можжевеловых духов, а затем посмотрел в её серые глаза. Что-то было не так – она глядела насквозь него, будто желая, но не решаясь сказать. Крайне несвойственная Эм нерешительность, которая по-настоящему пугала.

– Что-то случилось? – Несколько секунд он непонимающе смотрел на неё, чувствуя, как его бойкое настроение проваливается в пропасть.

Эм взяла со стола листок, который он сразу не заметил, болтая о своём, и протянула ему. Алекс взял бумагу, на которой было большое количество текста, каких-то граф, печать и чья-то подпись, и стал читать. Дыхание его замерло, руки задрожали, а в глазах потемнело.

– Почему они не сказали мне раньше? – задал он вопрос в пустоту и без сил сел на кухонный диван, всё ещё сжимая в руке злополучный листок, на котором был написан новый неутешительный диагноз Ника – его брата, а также расписано рекомендуемое лечение.

Эм прокашлялась, чтобы придать севшему голосу уверенность, и заговорила:

– Я не знала, как начать. – Она сделала паузу. – Зашла вот сегодня в гости к твоим родителям и Нику, чтобы дать ему билеты на тот концерт, который он ждал, помнишь? В общем... зашла и поняла, что что-то не так. Обычно он всегда встречает меня, ты же знаешь... выезжает на коляске в коридор, улыбается, машет руками...

Алекс внимательно её слушал, уставившись перед собой. Он видел брата пару месяцев назад, когда заезжал поздравлять его с восемнадцатым днём рождения. Обычно он бывал в том доме каждую неделю, но в этот раз родители отправили Ника на пару месяцев в какой-то санаторий, так что на это время их встречи прервались. Ник – инвалид с рождения и определенные вещи уже стали нормой, но дела никогда не были угрожающими его жизни. По крайней мере, так все говорили.

– В общем, – продолжала Эм, – те благотворители, которые оплачивали ему лечение... их фонд рассчитан только на детей. Когда Нику исполнилось 18, они перестали финансировать его, а больше родители не смогли ниоткуда получить... В общем, – Эм указала на листок, который Алекс по-прежнему держал в руке, – дела у Ника стали хуже.

– И я об этом ничего не знал! – Алекс был в бешенстве. – Почему они мне не сказали?

– Ты вообще догадываешься о суммах, Алекс? Ты ведь и так им помогаешь, разве ты мог бы давать больше?

– Я знаю то, что те суммы гораздо меньше того, что нужно платить сейчас за операции и реабилитации, это уж не говоря о самом главном – о здоровье моего брата! Да как же так...

Алекс чувствовал себя разбитым и подавленным. Он тут же позвонил родителям и проговорил с ними около часа. Эм сидела рядом, а потом вышла в другую комнату, сказав что-то вроде «не буду мешать». Родители Алекса, мягко гово-

ря, были расстроены и он, немного остыв, не стал давить на них расспросами, почему же они не просили у него денег на лекарства для Ника. В целом, он знал ответ – они вообще не привыкли что-либо просить – такова была вся их суть. Но он всё равно искренне сказал, что поможет всем, чем сможет. Нику предстояло собрать деньги на дорогостоящую операцию, а реабилитация стоила ещё больше. И это при условии, что никто не даёт никаких гарантий на его выздоровление. Вернее, на его возвращение к привычной жизни. Да и вообще ни на что.

Алекс смог заснуть только утром, но будильник резко выдернул его из беспокойного горячего сна.

– Будильник? – спросила Эм в полудреме, не открывая глаз. Она лежала рядом. – Ты же вроде увольняешься? Мог бы и опоздать.

Алекс посмотрел на неё, и она, почувствовав его взгляд, открыла глаза.

– Ты серьезно? – спросил он. – Ты же видела сколько денег надо на операцию Нику. Как я могу сейчас уволиться?

Эм приподнялась на кровати.

– Да, – сказала она, – спросонья не сообразила.

Алекс оделся, собрался и пошёл на работу, думая, что судьба оказывается там, куда ты даже не решаешься смотреть. Как если бы ты ходил спиной вперёд.

Он сразу вошёл в кабинет Виктора и коротко ему рассказал, что намерен исполнить его чаяния, не отклоняться

от курса. Он понимал, что вечеринки, вероятно, ему действительно придётся отложить на неопределённый срок. Сегодня сделать это было легко, ведь и не хотелось никаких вечеринок, сама мысль о них была нелепа. Так что он просто пошёл работать, чувствуя как обстоятельства давят его, как таракана, прижимая к земле, пока все его кишки не вылезут наружу. «Хотя мне ли жаловаться?» – думал Алекс. – «Родители там, наверное, с ума сходят».

Том ныл в трубку.

– Чувааак, я так на тебя рассчитывал, ты не можешь меня подвести!

Алекс потёр лоб. Впервые в жизни он отказывался от выступления и чувствовал себя непривычно и неловко. Как если бы он упал с трёхколёсного велосипеда, будучи лучшим в мире мотогогонщиком. Он попытался объяснить.

– Том, я не могу играть каждый раз, когда ты просишь. Я никогда тебя не подводил, но теперь я действительно не могу. У меня есть хорошие диджеи среди друзей, я могу дать тебе их номера, они с радостью тебе помогут.

– Ааа, опять какие-нибудь дилетанты, – загудел Том.

– Да почему дилетанты сразу?

– Ладно, диджея, допустим, я найду. Но у тебя же звук и пульт, и все дела – всё супер. Можешь одолжить мне, пока не пользуешься?

– Хорошо, без проблем. На благо пляшущих. Одолжу.

– Кайф! Заберу на днях. – Том заметно повеселел. – Сам-то точно не придешь?

– Томми, не шкварчи. Ты вообще помнишь, что ты мне и за прошлый сет задолжал? И за позапрошлый.

– Ой, ладно, ясно всё.

И Том повесил трубку.

– Гандоныш, – подытожил Алекс.

– Всё хотела тебя спросить, – сказала Эм. – Что это за слово такое? Гандоныш.

– Ну, – пожал плечами Алекс. – Это как гандон, только не так обидно. Масштабом поменьше. Маленький.

Эм засмеялась.

– Буду знать. Ты со мной? – спросила она. Она крутилась у зеркала – собиралась ехать на свой концерт – нечастое событие в городе в последнее время.

– Да мне вроде как нежелательно в клубах появляться, – сказал Алекс, чувствуя себя как грёбанный обоссанный матрас.

– Нежелательно, – повторила она, отвернувшись от зеркала и смотря ему в глаза. – Я же не предлагаю тебе бухать так, чтобы утром у твоего босса окна в кабинете запотевали. Просто пойдем? Тебе надо отдохнуть, твои дополнительные смены, которые ты взял, плохо отражаются на твоём внешнем виде. Становишься похож на рыбу-каплю.

– И как она выглядит?

– Лучше и не знать, – засмеялась Эм. – Выглядит, как ты. Пойдём!

– Слушай, ты же знаешь, что у моего босса само понятие «клуб» равно понятию «алкоголизм».

– Но его же не будет там! – с жаром воскликнула Эм. – Да что с тобой?

– Смотри – два раза уже ему о концертах докладывали. Это может случиться и в третий раз. Эм, я хочу пойти!

Но не могу так рисковать. А вдруг там опять будет Дэн?

– Ну не знаю, мне кажется, у тебя паранойя. Впрочем, дело твоё. – Эм взяла чёрный карандаш для глаз и снова отвернулась к зеркалу.

– В конце концов, я не хочу себя дразнить. Ты же будешь пить и отдыхать на всю катушку. Я останусь дома. Надо поработать, – заключил Алекс и включил компьютер.

– Как знаешь, – сказала Эм, затем быстро оделась, взяла свою гитару и ушла.

– Передавай ребятам привет... – вдогонку сказал Алекс, хотя, возможно, она уже не услышала.

К ночи она вернулась. Алекс уже лежал на кровати, стараясь заснуть, когда она с шумом зашла в комнату, задев дверной косяк и прислонив к стене чехол с гитарой, и сказала:

– Знаешь, это немного странно, но, по-моему, я действительно видела на входе этого твоего Дэна. А может, мне показалось. Мало ли там сопляков всяких. – С этими словами она, не раздеваясь, плюхнулась на кровать и мгновенно заснула.

Следующие две недели Алекс провел, как между молотом и наковальней – между работой и звонками организаторов фестивалей и приятелей, которые звали его выступать на разных вечеринках, как назло, даже чаще обычного. Алекс так устал давать отказы, устал от этих звонков, которые были настоящей пыткой. Родителям он смог отдать первую небольшую сумму, необходимую Нику для подго-

товки к операции. Работать предстояло ещё усерднее, брать больше дополнительных смен. В один из таких дней сурка ему позвонил Оскар.

– Привет, Алекс, – начал он, как всегда, весело, – звоню узнать, как у тебя дела, а именно: куплены ли билеты на нашу с Лерой свадьбу? Она волнуется, что ты про нас забыл, а я ей говорю: такого не может быть! Алекс никогда не пропустит такое событие! И хотел обговорить с тобой плей-лист.

– Эм... Оскар... – Алекс замялся, потому что отказывать друзьям всегда неприятно. Оскар изменил тон на беспокойный:

– Ой-ой-ой, мне не нравится твоя интонация, неужели Лера была права? Пожалуйста, не говори, что она была права, ты же знаешь – я это ненавижу.

Алекс набрал побольше воздуха.

– Я... я не смогу поехать, мне очень жаль.

На том конце линии воцарилось недолгое молчание. Потом Оскар, который знал Алекса много лет и явно удивился нестандартному ответу, спросил:

– погоди, как это не сможешь? Что-то случилось?

– Да, – признался Алекс. – В семье проблемы, нужны деньги, а босс готов меня уволить за так. Чтобы играть на вашей свадьбе за границей, мне придется, как минимум, брать примерно четыре отгула, а в моей ситуации... в общем, я правда не могу.

Оскар помолчал ещё немного.

– Что-то тут не так. Что-то с Ником? – догадался он.

– Да, – прямо ответил Алекс.

– Сколько денег ты потеряешь, если не выйдешь четыре дня?

Алекс назвал приблизительную сумму.

– Ого. Хм... у меня есть решение, только пусть оно останется между нами, окей?

– Говори, я хотел бы видеть решение.

– Я возьму тебе убытки за эти четыре дня и даже куплю билет на самолёт туда-обратно. Свадьба через две недели, всё распланировано, и ты, между прочим, уже дал согласие. Я не хочу расстраивать Леру, ты же понимаешь как женщины относятся к свадьбе? Если салфетки на столах будут не цвета фуксии, а фиолетовые, то всё – слёзы, сопли, праздник испорчен. Не подводи меня, Алекс.

У Алекса в груди образовался ком. Взять с Оскара деньги? Отпроситься на четыре дня? Виктор всё равно сожрет со всем дерьмом, даже если он назовёт вымышленную причину своего отсутствия. Он не поверит.

– Скажи своему боссу, что тебе нужно отвезти Ника на лечение, – сказал Оскар, будто читая его мысли.

– Я как раз отвозил его на прошлой неделе, и Виктор знает эту ситуацию. Он не идиот. А это просто свадьба, Оскар.

– Просто свадьба? Я думал, мы, вроде как, лучшие друзья? А сейчас мне кажется, что ты просто отмазываешься. Позвони, когда отрастишь яйца.

И он бросил трубку.

– Кажется, женские свадебные истерики заразны. Трубку бросает... сам отрасти, – высказался Алекс в пустоту. Он не знал точно, как поступить правильно – и как бы он ни поступил, всё равно кто-то пострадает. И всё равно он бы чувствовал себя паршиво. Ничего не хотелось делать. Он чувствовал себя мячом, катящимся по минному полю. Рвануть могло где угодно, ему оставалось только надеяться, что его просто отбросит в сторону, а не разорвёт в лохмотья.

Но он подошёл к компьютеру, намереваясь продолжить сверхурочную работу, и всё же не мог сосредоточиться. Он чувствовал себя погано. Алекс посмотрел на красный квадрат, обводивший 16 февраля на календаре. Суббота. А значит, сегодня он может позволить себе немножко расслабиться. Он подошёл к бару, к которому уже давно не притрагивался, и взял бутылку непечатого «Джонни Уолкера». Достаточно быстро осушив почти всю бутылку, он лёг спать.

Проснулся он в жутком похмелье, вставая с кровати, чувствовал себя стухшим и сгнившим мягким овощем, вываливающимся из банки. Изнывая и пошатываясь, побрёл в туалет, где избавился от лишней жидкости, а заодно от всех солей и микроэлементов своего организма. Затем решил умыться, включил воду, намылил руки, набрал в них воды и прополоскал рот. Матерясь на собственную тупость и одновременно пуская изо рта мыльные пузыри, он сплюнул и опять прополоскал рот, на этот раз чистой водой. По-

том взял бутылку минералки и снова шлёпнулся на кровать, страдая от головной боли. В голову начали лезть мысли. Чёрт возьми, в конце концов, подумал он, что за ерунда происходит? Он вспомнил последнюю вечеринку, вспомнил фразу Эм про похожего на Дэна человека на её концерте, и его волной настигло ощущение преследования. Так редко можно встретить на своих вечеринках каких-либо знакомых, не касающихся музыки, а тут вдруг Дэн, домосед каких поискать, заявляется в клуб и попадает на Алекса, который его точно не звал и точно не говорил про эту тусовку. Дэн сказал, что увидел его имя на афише. Но Алекс никак не мог припомнить, чтобы озвучивал ему своё сценическое «погоняло». Да даже если бы и озвучил, неужели бы Дэн запомнил такое имя, как Алекс 3Джей? Это имя когда-то давно пришло на ум Тому, когда он заметил пристрастие Алекса к виски. «Твои лучшие друзья в этом баре, – говорил он, – это Джим Бим, Джонни Уолкер и Джек Дэниелс. Три буквы „Джей“. Будешь у нас диджей „3джей“. А то Алексов слишком дохрена, кто тебя так запомнит?» – и он рассмеялся, похрюкивая. Алексу эта идея показалась здоровой, и с тех пор на афишах он так и значился. Но он точно не говорил этого Дэну. Вроде бы. Он не мог вспомнить наверняка. И всё же, нет, не говорил. Точно не говорил.

От этих мыслей ему стало не по себе, к тому же на фоне выпитого накануне было не по себе буквально от всего. Он, повинувшись накатившему чувству тревоги, посмотрел

на окно, затем взгляд его заскользил к рабочему столу, потом в сторону стеллажа с книгами и к кровати. Бывал ли Дэн здесь, дома? Пару-тройку месяцев назад Алекс устраивал домашнюю вечеринку, но сейчас никак не мог вспомнить, звал ли он его? Было много людей, человек тридцать – одни приходили, другие уходили и приходили новые – в общем, грандиозный был запой на несколько дней. Кто тут ошивался – так и не вспомнишь. А вдруг Дэн здесь был и... наставил жучков? А вдруг дома прослушка, а Алекс и не знает? Вдруг это какой-то коварный план? Всё это похоже на бред. Но ведь многое в жизни похоже на бред и это не значит, что этого не может быть.

Его замутило и зазвенело в ушах. Алекс закрыл глаза и увидел какие-то цветные точки. Вновь разлепив глаза, с трудом встал с кровати и подошёл к столу. В какой-то необъяснимой панике с тарахтящим сердцем он припал к компьютеру и начал ощупывать всё пространство возле него, но ничего не нашёл. Тогда он стал осматривать диван, стулья, ковёр, окно, разобрал книжные полки. Сердце колотилось с таким звуком, будто тележка съезжала с горы по камням. Ему никак было не сбросить это навязчивое состояние, он считал, что должен обыскать каждый сантиметр своей комнаты, чтобы не чувствовать себя так, как чувствовал сейчас: жестоко наебанным. Что-то происходило такое, что его мозг не мог понять, и ему хотелось хоть как-то найти объяснение. До него едва доносился голос разума, кото-

рый тихонько нашёптывал ему, что он занимается какой-то ерундой и что это всё – всего лишь посталкогольный синдром, навязчивые и беспочвенные страхи. Но они были сильнее и, очевидно, побеждали его. Он в очередной раз подскочил к шкафу и резкими отчаянными движениями высыпал все книги с полок прямо на пол. Тяжеленный том книги по проектированию систем вентиляции упал ему на ногу, углом твёрдой обложки попав по мизинцу, от чего у него на секунду потемнело в глазах. Когда снова стало светло, он победоносно вскинул руки и выругался: между книгой и углом полки было что-то чёрное и маленькое. Он дрожащими то ли от перепоя, то ли от волнения руками достал «жучок». И увидел, что «жучок» оказался всего лишь сувенирной пуговицей со старинного мундира, который ему в детстве подарил дед, и он хранил его на верхней полке. Выпал, всего и делов. Он отошёл от книг, свалился на кровать и закутался в одеяло, чувствуя себя опустошенным и глубоко обманутым.

10

Так проходили долгие нудные недели, Алекс выполнял своё обещание, данное Виктору и самому себе. Несколько раз Алекс позволял себе выпивать по субботам в компании Эм, но предпочитал никуда не выходить, чтобы не терзать себе душу. И хотя эти унылые алкогольные вечера совсем не были похожи на любимые тусовочные пьянки, он держался. Но один раз он всё-таки сходил в небольшой клуб, где посмотрел на молодого диджея, который не мог раскачать даже пьяных подростков, и Алексу стало так противно, что захотелось спихнуть его со сцены и показать как надо. В довесок, он снова встретил Олесю, на этот раз волосы её были розовые, и она недовольно пнула его своим маленьким кулаком в живот:

– Ты где пропадаешь? Сто лет тебя не слышала.

– Меня похищали инопланетяне. – Алекс развёл руками, чувствуя, что его чувство юмора без подпитки виски становится совсем беспомощным.

– Когда и куда теперь приходиться на твой сет?

– Инопланетяне ставили на мне опыты, теперь мне нельзя диджеить. Земляне могут не выдержать.

В ответ на её ещё больше недовольное почти детское лицо с надутыми губами, он поспешил добавить:

– Временно. Потом приготовлю новую программу, новый

взрывной сет-лист! Тебе понравится.

Она чуть-чуть остыла, снова мягко ткнула его кулаком в живот, а потом невозмутимо пошла с подругами в бар.

Алекс слукавил – никаких сет-листов он ещё не придумывал, но хотелось её подбодрить, всё-таки она всегда приходила танцевать. И сам он надеялся, что вскоре все проблемы решатся, и он снова сможет заняться любимым делом. Нужно лишь немного потерпеть.

На следующий день после похода в клуб Виктор опять сверлил его взглядом, но Алекс признался самому себе, что это похоже на его обыкновенную паранойю. Тем более, босс ничего не сказал. Впрочем, в последнее время на работе всё шло не так уж плохо – Виктор по понятной причине перестал вызывать Алекса к себе в кабинет, даже иногда улыбался, здороваясь со ним, а Дэн перестал донимать вопросами, так что они с ним почти не разговаривали, разве что перекидывались парой деловых фраз о рабочих моментах. Алекс был этому рад. После того случая в клубе ему дико хотелось надрать Дэну задницу.

Хотя Дэн и не выглядел особенно довольным – у Алекса закралась мысль, что Виктор ему пообещал какие-то лавры. А в итоге ничего не выполнил. Вот он и ходил мрачнее тучи, и пару раз Алекс слышал, что он на него жаловался Виктору по каким-то пустякам: то он обедает на три минуты дольше положенного, то раскидывает бумаги по всему его столу (Алекс положил ему документы на стол, когда он выхо-

дил, и ветром с открытого окна все бумаги разнесло, чего он уже не видел). В конце концов, их бухгалтер Мария, с которой они частенько пересекались на обеде, обмолвилась, что Дэн уже достал её расспросами, не прибавилась ли у него в новом месяце зарплата, и пару раз беззастенчиво пытался заглянуть в документы, где была указана зарплата Алекса. Чёртов засранец. Но Марию так просто не возьмешь, в конце концов, она указала, куда ему идти с этими расспросами.

– А я ему так и сказала – будет меня доставать, попрошу Виктора, чтоб он за каждое посещение бухгалтерии его штрафовал! И к чёрту послала ещё, – говорила она Алексу, размахивая вилкой с сосиской.

Так или иначе, к двадцатым числам апреля Алекс перевёл родителям сумму, достаточную для операции Ника. Он проводил их в аэропорт: мать, отца, сиделку, которую он наконец-то смог нанять, а также самого брата, который выглядел бледным и очень слабым, но всё-таки пытался улыбаться и подбадривать всех остальных.

– Ну и лица у вас, – тихо смеялся он, когда они прибыли в аэропорт Пулково и искали на табло свой рейс. – Как будто хоронить меня летите.

– Что ты такое говоришь? – возмутилась мать.

– Ну в самом деле, – укорил Алекс и почувствовал, как от этих неосторожных слов его слегка затошнило. Хотя, возможно, сказалось и отсутствие завтрака.

Ник слегка пожал плечами, и улыбка его постепенно ис-

чезла, он потупился. Алекс наклонился к брату в коляске и крепко обнял его, а тот худыми руками обнял Алекса.

Наконец, они попрощались. Их ждала клиника в Германии, а Алекса – работа, работа, и ещё раз работа. Он приехал домой, отчего-то нервничая, зашёл в интернет на сайт аэропорта и увидел, что самолёт с его родными уже вылетел во Франкфурт-на-Майне, откуда им предстояло ещё добираться в Аахен в одну из лучших клиник неврологии.

Пока он был погружён в свои мысли, домой пришла Эм.

– Проводил? – не здороваясь, спросила она. Она переживала не меньше Алекса, хотя и старалась придать себе максимально стойкий вид – Алекс знал, что это обычный стиль её поведения – изображать из себя непробиваемый кирпич.

– Да, – ответил он коротко.

– На тебе лица нет, – констатировала Эм очевидное.

Алекс молча кивнул, не зная, что ответить.

– Всё будет в порядке, – сказала она, – через несколько дней они вернутся.

– Да, я знаю, – ответил Алекс, – но ты ведь понимаешь – это не тот случай, когда после фразы «всё будет в порядке» думаешь, что обязательно так и будет. – Он прекрасно осознавал, что Эм сама не воспринимает подобные фразы успокоения и говорит это лишь потому, что не знает, как себя вести.

– Но на этот раз должно же быть! – Попыталась она опять.

– А будет ли?

– Ну ты и зануда, ты сейчас своими вот этими мыслями делу не поможешь.

Алекс вздохнул и решил с ней согласиться. Она посмотрела на часы.

– Ты идёшь куда-то? – спросил он, надеясь, что она ответит «нет».

– Даа, – протянула она, – у моих друзей презентация альбома. Ты со мной?

– Нет, я останусь, – сказал Алекс. Она нахмурилась.

– Знаешь, я, конечно, понимаю, что ты боишься увольнения и всё такое. И сейчас погружен в печальные мысли. Но мы уже несколько месяцев никуда не выходили вместе.

Теперь она смотрела на него грустными глазами, с сожалением и какой-то жалостью. Такого взгляда он прежде не видел.

– Мы ведь говорили об этом. Мне работать надо.

– Твоя работа сожрет тебя и мне не оставит ни кусочка, – сказала Эм, вновь хмурясь. Голос её становился жёстче.

– И что прикажешь делать?

– Да хотя бы иногда быть тем человеком, с которым я начинала жить! – в сердцах выпалила Эм. – С шутками своими и умением смотреть на любые сложные ситуации оптимистично.

– Мы много выпивали вместе и тусовались – вот тебе источник моих шуток и оптимизма.

– Если это источник, то... мы и сейчас можем, хотя бы

по выходным, – не унималась Эм. – Но всё, что я вижу – это как ты сидишь перед компьютером трезвый и унылый, и постоянно нудишь.

– Ты прекрасно знаешь, почему я такой.

– Но ты же можешь хотя бы делать вид, что всё не так плохо?

– Ты предлагаешь лечить понос затыканием жопы, – мрачно ответил Алекс.

Эм недовольно хмыкнула и вышла из дома.

Она не возвращалась два дня.

Через два дня Эм вернулась и с порога сообщила, что вскоре уезжает на полтора месяца в тур с какой-то знакомой группой в качестве техника. Алекс не знал, как ему на это реагировать, поэтому спросил её прямо:

– Ты просто берёшь и уезжаешь в тур на полтора месяца?

– Да, а что тут такого? – невозмутимо ответила Эм. – Не в первый раз ведь.

– То есть ты просто берешь и бросаешь меня одного. Сейчас?

Эм цыкнула.

– Я тебя не бросаю. Я уезжаю в тур. Две разные вещи. Ты же сам музыкант, должен понимать.

– Сейчас я не музыкант.

– Сочувствую. А я – музыкант. И я еду в тур.

– Тогда почему бы тебе там и не остаться, – сам не понимая, почему он так говорит, выпалил Алекс, чувствуя себя обиженным ребёнком.

– Как скажешь, – жёстким, но ровным голосом сказала Эм, смотря как-то насквозь него. Но затем будто бы смягчилась и добавила: – Я бы хотела тебе помочь.

– Ты не можешь мне помочь, – отрезал Алекс.

Эта фраза, как будто, обидела её больше всего остального.

– Значит, я не могу больше тухнуть вместе с тобой. По-

звони, если буду нужна тебе. Не просто ради присутствия и наслаждения видом твоего погружения в болото уныния.

Она схватила сумку с вещами, которые уже были собраны и убраны в шкаф (Алекс даже не заметил, когда это произошло, и как долго они там лежат), и вышла, оставив ключи в прихожей.

Весь вечер он сидел на кухне, включив для фона какой-то сериал, и обдумывал её слова, пытаясь сообразить, могло ли всё быть иначе? Ему казалось, что нет. Посидев так пару часов, он решил выйти в магазин, где купил «Джека Дэниелса» и долго распивал его в одиночестве на скамейке в парке. С часу на час должна была завершиться операция Ника, и мысли Алекса путались, а настроение его из-за виски шло по синусоиде: то вверх, то вниз. Минуту он считал Эм непонимающей его положение сукой, а в следующую минуту он жалел, что не смог дать ей то, в чём она нуждалась. Потом он жалел о том, что не мог дать самому себе то, в чём нуждался. А в следующее мгновение его мысли вертелись вокруг его семьи. Он держал телефон в руке и то и дело проверял время, чтобы позвонить родителям как только операция закончится.

Время шло чудовищно медленно, а виски уничтожался слишком быстро. На улице начало холодать, когда он нетвёрдой походкой пошёл домой. Завалившись на кровать, он смотрел на горящий экран телефона, который положил рядом, и видел время: 21:55. Через пять минут он решил по-

звонить.

Алекс открыл глаза, когда было уже светло – экран телефона светился. Он понял, что ему только что звонили – семь пропущенных звонков от отца. Он резко поднял голову с подушки и его замутило, к языку подступила горечь. Алекс набрал номер отца, но тот ответил не сразу, заставляя нервничать ещё больше.

– Алекс, – сказал отец сдавленным голосом, – ты должен встретить нас завтра в восемь утра в аэропорту.

– Как это завтра? Разве Ник не должен лежать в больнице ещё несколько дней, до среды.

– Да, должен был... но тут осложнения. Он в коме.

Алекс сел на кровать, ноги загудели.

– Как это, в коме?

– Я не знаю, Алекс, – застонал отец, его голос дрожал. – Мы тут все в шоке, никто толком ничего не говорит. Во время операции что-то пошло не так, и теперь Ника надо везти домой.

– В таком состоянии? Не лучше ли ему будет остаться там под наблюдением, ведь он может очнуться?

– Врачи говорят, что шансов... подожди, – отец явно зажал трубку ладонью и что-то сказал матери, чей тревожный голос Алекс услышал.

Затем отец вернулся и заговорил очень тихо, почти шёпотом.

– Врачи говорят, что шансов очень мало. Матери не гово-

ри.

– Не говорить, – повторил Алекс, потирая лоб и плохо понимая просьбу отца. – Я вас встречу завтра в восемь утра.

– Давай, – попрощался отец и повесил трубку, уже начиная нервно разговаривать с кем-то другим, по-видимому, с врачом.

Алекс встал с кровати и позвонил Виктору, объяснил ситуацию и сказал, что сможет приехать на работу несколько позже. Тот всё воспринял спокойно и сказал, чтобы он приезжал, как сможет.

Алекс поставил будильник на 6:30 и стал метаться по комнате. На экране компьютера был открыт новый проект, но работать в таком состоянии нельзя – можно напортачить хуже первокурсника, впервые взявшего в руки инженерную линейку. Он пошёл на кухню и открыл холодильник. Закрыл холодильник. Потом снова открыл, подавил в себе чувство тошноты и опять закрыл холодильник. Нужно было что-то делать, чем-то себя занять. Алекс посмотрел на чайник – кажется, он уже год стоит без дела. Затем Алекс залез в бар и открыл бутылку «Джима Бима», трясущейся рукой стал наливать в стакан и половину расплескал. Выругавшись, он осушил бокал. Руки его были холодные и мокрые, зубы плотно сжаты, так что и не расслабить, но горечь во рту исчезла. Он налил ещё бокал и выпил. Ему нужно было с кем-то поговорить. Он набрал номер Оскара. После нескольких гудков тот отклонил его звонок. Алекс знал, что в это вре-

мя он обычно дома смотрит телевизор или занимается какой-нибудь подобной ерундой, поэтому был удивлен. Подождав минут пять, он не выдержал и снова набрал его номер. Неожиданно он услышал голос Леры:

– У тебя были дела поважнее нас, вот ими и занимайся! – И она бросила трубку.

Алекс аж опешил от такого. Постояв пару секунд в недоумении, он, не глядя, швырнул телефон в стену, тот ударился и упал на пол. Алекс схватил бокал и наполнил его до краёв. Потом посмотрел на телефон – от такого удара он вполне мог сломаться. Нет-нет, а вдруг будут звонить родители? «Какой же я идиот», – подумал Алекс. Он подскочил к телефону и посмотрел на него – экран был разбит, но в остальном, вроде бы, всё было в порядке. Он попытался сильно вдохнуть воздух, но на середине вдоха как будто запнулся и резко закашлялся. Затем вернулся к стакану и сделал большой глоток. И ещё.

И ещё.

И ещё.

Он проснулся от того, что из окна свет падал ему на глаза и это вызвало в нём чувство тревоги. Он поднялся с кровати и, к своему ужасу, понял, что пьян, хотя ему так не казалось, когда он ложился спать. Он пошатнулся и посмотрел на телефон. Паника охватила его – на часах было 8:27. Опоздал! Будильник не сработал, видимо, из-за того, что вечером

он швырнул телефон, и тот всё-таки сломался. Алекс кинулся в коридор, одновременно одеваясь и набирая поочередно номера телефонов родителей, но они не отвечали. Выбегая из дома под проливной ливень, скользя по кашеобразным грязевым лужам, Алекс позвонил Наташе – сиделке Ника. Она сразу ответила.

– Наташа! – взмолился он. – Скажи, где вы все?

Она ответила, что они все вместе уже доехали до больницы на машине её знакомого и в данный момент находятся там. Ника положили в отделение интенсивной терапии.

– Спасибо тебе, – только и смог срывающимся голосом сказать Алекс и, продолжая поскользываться на лужах, подбежал к дороге и только там сообразил, что на общественном транспорте ехать слишком долго. Он выругался сам на себя и вызвал такси.

В палату к Нику, видимо, уже пускали, и Алекс увидел, как Наташа с матерью выходят из палаты, и как Наташа придерживает её за плечи. Мать резко плюхнулась на стул возле стены.

– Как он? – выдохнул Алекс, садясь рядом. – Как он? – снова спросил Алекс, решив, что их молчание слишком затянулось.

– Ты, – напряженно заговорил возникший рядом отец, – не смог выполнить такую маленькую просьбу, как встретить нас и отвезти в больницу. Нам пришлось так долго ждать и терять время, пока мы нашли машину, на которой могли

перевезти твоего брата!

– Папа, прости, я... У меня не сработал будильник.

– Сидишь тут, – заговорила мать, – и врешь. От тебя несёт твоим будильником за километр. Иди и напивайся дальше! К Нику в таком состоянии не подходи. – Её всю трясло.

– Наташа, расскажи хоть ты... Я должен знать.

– Лучше уходи отсюда, и без твоих расспросов тошно! – выкрикнула мать.

– Мама, я же не чужой! – отчаянно сказал Алекс.

– Что ты всё заладил, уходи! Не могу видеть твоё опухшее от пьянок лицо, посмотри на себя. Не хочу видеть тебя! – Мать была совершенно в истерике и едва ли была способна на диалог.

Алекс посмотрел на отца и понял, что тот совершенно солидарен с матерью. Потом глянул на Наташу, она еле заметно сочувственно пожала плечами и поджала губы. Он встал, развернулся и пошёл прочь. Как назло, он задел стоявшую на полу высокую вазу с какими-то декоративными палками, она упала и разбилась, все палки рассыпались по полу, а часть их колючками зацепилась за толстовку Алекса и осталась на ней. Сзади он слышал, как родители и остальные, кто был в коридоре, издают возгласы негодования, кто-то обозвал его «косолапой пьяню», кто-то возмутился – «кто такого сюда пустил».

Алекс не помнил, как дошел домой, не помнил, что делал, как вдруг обнаружил, что на часах уже два ночи и в руках

у него пустая бутылка виски. Он так и не включил в комнате свет и сидел на кровати в полной темноте. Тишина давила на него, ему хотелось, чтобы всё или наладилось, или исчезло совсем. Никаких полумер. Хотя ему и казалось, что всё исчезает. Алекс только хотел знать, как там Ник, поговорить с ним, с братом, который ни разу в жизни его не осудил, ни разу не упрекнул, а просто любил его и всегда понимал. Но Алекс знал, что в такой поздний час даже Наташе нельзя позвонить. Придется ждать утра.

Прервал его мысли телефонный звонок. В такое время ему иногда звонили люди из тусовки: когда сами пляшут в клубе, не думают о том, что кто-то может спать – тем более, Алекс, много лет назад заслуживший репутацию человека, который не спит вообще. На экране моргало имя: «Олеся танцы». Алекс равнодушно взял трубку.

– Алло.

– Привет, как дела? – на заднем плане он услышал знакомую долбёжку – Олеся, очевидно, звонила из клуба.

– Что ты хотела? – Алекс не столько хотел грубить, сколько счёл, что его дела не особенно должны её волновать, да и к чему бы ему всё рассказывать?

– Мы тут стоим с девчонками и думаем, что давно тебя не видели. Ты разве сегодня не играешь?

– Нет, – отрезал он, но Олеся не успокоилась.

– Давай мы за тобой заедем, скажи куда! Заберём тебя сюда. Тут круто!

– Спасибо, но не стоит. Мне не до тусовки сегодня.

– Ну чего с тобой такое, говори адрес. – Она не унималась, и Алекс, утомлённый алкоголем и последними ситуациями, а теперь ещё и неуместной настойчивостью знакомой, стал раздражаться.

– Олеся, два часа ночи, мне на работу завтра.

– Ой, да ладно, всем на работу!

– Ты же не работаешь.

Она проигнорировала последнюю фразу.

– Зануда, приезжай! Или лекции мне будешь читать про важность трудоустройства?

– Ты обалдела что-то совсем. Иди развлекайся, а я спать.

– Сам ты обалдел! Ну и сиди там, как дурак!

– Будь там со своими девочками и тусами. В жизни есть вещи поважнее.

Алекс отключил звонок и положил телефон возле кровати, рядом с последним оставшимся в квартире алкоголем – шестью бутылками пива. И открыл первую.

Почему он за семь часов не отошёл? Алексу было так плохо – в голове жужжание тысячи гигантских мух, ещё и боль, и такой дикий сушняк, как будто он выпил гораздо, гораздо больше. Он плёлся на работу злой, уставший и абсолютно разбитый. Он бы остался дома, но нужно было зарабатывать, нужно как никогда. Когда Ник очнется – а он должен очнуться – ему понадобится много всего. Надо нанять ещё одну си-

делку, чтобы она сменяла Наташу. Немного разгрузить родителей. Алекс дошёл до проходной и сначала не понял, туда ли он попал. На проходной стояли турникеты, как обычно, но кое-что в них изменилось. Теперь к каждому турникету была прикреплена металлическая коробочка с небольшим отверстием посередине и двумя лампочками. Алекс узнал в этих конструкциях алкотестеры.

– Что за...

Плотный невысокий охранник, видя колебания Алекса, неспешно подошёл к нему и объяснил:

– Здравствуйте! Новые меры предосторожности. Из какого-то отдела жаловались на пьяного сотрудника, вот, руководство поставило алкотестеры. Хотя, – он внимательно посмотрел на Алекса, – вам лучше пойти домой и не рисковать. За это – увольнение по статье.

– Да я трезвый уже, – отмазался Алекс. – Вчера немного выпил. Выходной был.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами охранник, и пошёл объяснять то же самое кому-то еще, кто никак не мог разобраться с новой пропускной системой.

Алекс взял одну из выложенных у турникетов одноразовых трубочек для коктейлей – никогда ему ещё не приходилось пользоваться ими в таких целях – и уверенно подул через неё в отверстие алкотестера. Тот незамедлительно загорелся красным цветом, и тем самым Алекс снова привлёк внимание охранника. Тот подошёл и протянул руку к про-

пуску Алекса.

– Ну, что я тебе говорил. Сочувствую, мужик. Дай-ка пропуск. Теперь жди здесь.

Алекс отдал пропуск и стал покорно ждать на проходной, принимая всё, что происходит, за неизбежность, пока, минут через десять, охранник не вернулся за ним. Алекс чувствовал только опустошение, равнодушие и больше ничего. Через специальный турникет охранник провёл его на территорию предприятия.

– Куда идём? – решил осведомиться Алекс.

– Сдаваться, – коротко ответил охранник, видно, почувствовав свою важность. Он шёл, как вождь, высоко подняв голову и насвистывая что-то невразумительное.

Алекс промолчал. Что ему было ещё сказать? «Держи очко холодным», – мысленно повторял он самому себе.

Наконец, он понял, что идёт по обыкновению, к своему рабочему месту, а точнее, к боссу.

– Привёл, – крикнул в комнату охранник, распахнув дверь.

Алекс вошёл внутрь. В кабинете были двое: Виктор и Дэн. Виктор сидел за рабочим столом Алекса, сомкнув пальцы рук. Увидев подчинённого, он с вызовом посмотрел ему в глаза.

– Чего и следовало ожидать. Боже мой, посмотри на себя. Я бы мог сгладить ситуацию и попросить тебя написать заявление по собственному желанию, но твоё наплевательское

отношение не позволяет мне этого сделать. Сколько ты продержался? Месяца два? И держался ли?

Он подвинул к Алексу листок бумаги с приказом об увольнении.

– Ознакомься. И вон там в углу подпишись. И возьми обходной лист.

– Мне нечего обходить.

– Тем проще. Ты не представляешь себе, как мне жаль прощаться с тобой. Но, может быть, чтобы встать на ноги, тебе нужно совсем низко упасть?

Алекс с неприятием покосился на Виктора – без этих банальных фразочек на все случаи жизни можно было бы и обойтись. Дэн злорадно покривился, хоть и опустил голову в надежде, что никто этого не увидит. «Вот сученок», – подумал Алекс, без колебаний ставя подпись. – «Думает, небось, что я не заметил, что часть его вещей уже лежит на моем столе – он давно положил глаз на мою должность, и сейчас, видимо, добился своего».

– Виктор, давайте без наставлений, – попросил Алекс. – Вы судите со своей стороны. Как водомерка, понимаете?

– Алекс, – вдумчиво проговорил он, – нет никакой стороны для оправдания пьянства. Если ты говоришь о ситуации с твоим братом, я, безусловно, сочувствую и желаю ему выздоровления. Но это должно быть для тебя стимулом быть в своём уме, а не надираться до чертиков. Смотри, что ты наделал – потерял прекрасную работу, за которую, порой,

люди готовы драться. – Он глянул на Дэна.

– И вы не дадите мне устроиться на новую, верно? – спросил Алекс прямо, подписывая бумагу об увольнении.

– Тебе не даст устроиться твоё увольнение по статье. Ты сам себе вырыл яму. Ступай.

Он вздохнул, производя впечатление высокоморального судьи, посадившего своего родственника во имя непреложного закона, а Алекс наспех сгрёб со стола свои вещи, которых там было всего ничего, кинул их в пакет и молча вышел.

Затем в отделе кадров он забрал свою трудовую книжку с новой неприятной записью в ней, сдал пропуск и, в последний раз окинув взглядом территорию предприятия, вышел за турникеты.

Охранник, к которому вернулось его прежнее добродушное выражение лица, посмотрел на него с сочувствием и показал ему ладонью вперёд сжатый кулак. Алекс кивнул и только сейчас стал замечать, как сильно у него болит голова и дерёт горло от недолеченной простуды. Оставался всего один шаг до двери выхода, как вдруг его окликнули. Алекс обернулся и увидел запыхавшегося выходящего за турникеты Дэна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.